

Обольстительница в бархате

Автор:

Лоретта Чейз

Обольстительница в бархате

Лоретта Чейз

Портнихи #3Шарм (АСТ)

Это было веселое пари, заключенное между Леони Нуаро – молодой владелицей модной мастерской, одевавшей дам из высшего общества Лондона, и безупречным Саймоном Блэром, маркизом Лисберном. По условиям этого пари Леони предстояло доказать, что новые наряды способны превратить кузину Саймона, некрасивую Глэдис Фэрфакс, в привлекательную особу, не знающую отбоя от поклонников. Ну а ставкой служила картина работы самого Боттичелли... Леони и не подозревала, что вся история с пари – лишь хитроумный план обольщения, задуманного Саймоном с первой же минуты, как он увидел очаровательную модистку на выставке живописи. Дело не в кузине и не в картине – маркиз просто хочет проводить с ней как можно больше времени...

Лоретта Чейз

Обольстительница в бархате

Loretta Chase

VIXEN IN VELVET

* * *

© Loretta Chekani, 2014

© Перевод. И. П. Родин, 2017

© Издание на русском языке AST Publishers, 2018

Глава 1

Британский Институт. Старинные мастера.[1 - Британский Институт (British Institution) – частное общество, занимавшееся организацией выставок в Лондоне в XIX в. Основано в 1805 г., распущено в 1867 г. – Здесь и далее примеч. пер.]

Эта ежегодная выставка – самое красноречивое доказательство ограниченности аристократии, которая скрывает от глаз публики шедевры изобразительного искусства, превращая коллекции картин в личную собственность.

«Атенеум», 30 мая 1835 г.

Британский Институт, Пэлл-Мэлл, Лондон, среда, 8 июля

Он лежит обнаженный, только кусочек ткани скрывает интимные части тела. Голова запрокинута, глаза зажмурены, рот приоткрыт. Его сон крепок, и он не замечает, как маленькие сатиры играют с его доспехами и оружием, а один из них дудит в раковину у него над ухом. Рядом полулежа располагается женщина, опираясь локтем на красную подушку. В отличие от него, она полностью одета. На ней расшитая золотом рубашка. Женщина бодрствует. Она разглядывает его с непроницаемым выражением лица. Уголки ее губ слегка приподняты. Это улыбка или осуждение? А может, ее мысли витают где-то далеко?

Леони Нуаро могла бы дать шестнадцать ответов на этот вопрос, и ни один из них не был бы удовлетворительным. У нее не вызывало никакого сомнения то, чем парочка занималась перед тем, как мужчина – римский бог Марс, согласно выставочному каталогу – крепко уснул.

О чем бы еще ни размышляла Леони – например, о причине, по которой она оказалась здесь сегодня, или где было это «здесь», или кто она вообще такая, – все отошло на задний план. Сейчас ничто не было важно, все вообще перестало существовать. Все, кроме картины.

Леони стояла перед полотном Боттичелли «Венера и Марс», но с таким же успехом могла бы находиться на другой планете или в другом времени, настолько картина поглотила ее. Она стояла, смотрела и изучала каждый мазок кисти, пытаясь понять секрет этой живописи. И не могла оторваться.[2 - Боттичелли Сандро (1445-1510) – великий итальянский живописец эпохи Возрождения.]

Если бы вдруг кто-нибудь оказался между ней и картиной, Леони задушила бы этого человека. Но никого рядом не было. Ежегодная выставка Британского Института по-прежнему привлекала посетителей. Здесь было много художников, которые расставляли свои мольберты в галереях и перерисовывали работы старых мастеров. Эти художники сильно мешали посетителям, пока с отчаянием пытались воспользоваться единственной представившейся возможностью скопировать работы из частных собраний.

Но никто не мельтешил перед Леони. Никто не нависал сзади. Даже странно, почему. Она пришла сюда не ради искусства. У нее для этого имелась своя причина.

Исключительно важная причина... О которой Леони забыла в тот же миг, как только увидела картину. Она могла бы любоваться ею бесконечно или пока зрители не вывели бы ее отсюда. Однако...

Сильный грохот, неожиданный, как удар грома, разразился в зале.

Подскочив, Леони отшатнулась.

И натолкнулась на стену, которая почему-то оказалась за спиной.

Нет, это была не стена.

А что-то большое, теплое и живое.

Оно пахло мужчиной: мылом для бритья, накрахмаленным бельем и сукном. Две крупные, явно мужские руки в перчатках легко легли ей на плечи и аккуратно вернули девушку в вертикальное положение.

Леони резко обернулась и подняла взгляд – нет, задрала голову! – чтобы посмотреть на стоявшего сзади.

«О черт!»

Хотя правильнее было бы воскликнуть: О Марс!

Вероятно, он все-таки не был точной копией изображенного на картине бога войны. Прежде всего потому что оказался полностью одет. И одет очень дорого. Но нос, лоб и рот у него были совсем как у Марса. А в особенности глаза. Правда, в отличие от бога войны, незнакомец не спал.

Глаза были зеленые с золотистыми искорками. Светлые пряди сверкали и в его темно-русых волосах, которые курчавились, как у Марса, и казались очаровательно непослушными. Что-то во взгляде и выражении лица тоже намекало на непокорность, но иного рода: едва заметная улыбка и чересчур невинный взгляд широко открытых глаз. Это что, проявление слабоумия?

– Кажется, от волнения я поставил вам подножку, – сказал он. – Искренне прошу меня извинить.

Нет, на слабоумного мужчина не походил.

Важнее было то, что он оказался в такой близости к ней, а Леони этого не заметила. Она не позволяла никому подкрадываться сзади. В Париже это могло стоить жизни. Да и в Лондоне риск был велик.

Все опасения Леони оставила при себе, чему научилась очень давно.

– Надеюсь, я не покалечила вас, – заметила она и опустила взгляд. Его сапоги оказались в идеальном состоянии. Камердинер наполировал их до блеска так, что пыль лондонских улиц не решилась бы осесть на них, ослепленная сиянием.

Мужчина тоже опустил взгляд и посмотрел на ее обувь.

– Разве такая маленькая ножка в кусочке атласа и серебристой коже может нанести мне хоть какой-то ущерб? Без шансов, вам не кажется?

– Эти кусочки атласа и кожи называются полусапожками, – сказала Леони. – И нога у меня не маленькая. Но очень галантно с вашей стороны сказать именно так.

– Учитывая обстоятельства, я просто обязан был сказать что-нибудь приятное, – поклонился мужчина. – Кроме того, нужно было придумать вескую причину, почему я подкрался к вам. Или найти какое-нибудь рыцарское объяснение, например, что я собирался защитить вас от падающих мольбертов. Но тогда вы бы сочли меня идиотом. Любой бы заметил, что объекты, которые могли представлять угрозу, находятся в нескольких ярдах отсюда.

Она была уверена, что слышит, как кто-то ругается тремя картинами левее, оттуда же доносились скрип дерева по дереву и шуршание тяжелой ткани. Леони даже не посмотрела в ту сторону. Девушки, которые теряют бдительность, когда боги отклоняются от своих путей, попадают в очень неприятные ситуации. Поинтересуйтесь об этом у Дафны, у Леды или у Данаи.

Сегодняшнее скрывающееся солнце вдруг решило показаться в небе. Его лучи играли золотистыми прядями волос незнакомца.

– Возможно, вас привлекла картина, – предположила Леони. – И вы потеряли равновесие.

– Хорошая причина, – согласился он. – Но так как эта картина моя, у меня было достаточно времени рассмотреть ее. Поэтому не годится.

– Ваша? – удивилась Леони. Она не удосужилась заглянуть в конец каталога, чтобы узнать имя владельца полотна. Ей казалось, что такое произведение искусства может принадлежать лишь королю или герцогам из королевского семейства.

– Ну, так говорится. Я, конечно, не Боттичелли, как вы понимаете. Парень умер сколько-то там веков назад. Я – Лисберн.

Леони сосредоточилась и мысленно пролистала страницы своей записной книжки, куда заносила персональные данные английских аристократов, а также важные и наиболее любопытные факты, которые встречались ей в бульварных газетенках или были услышаны в разговорах клиентов.

Соответствующую заметку она нашла довольно быстро, потому что буквально на днях дополняла досье. Лисберн – это Саймон Блэр, четвертый маркиз Лисберн. Возраст – двадцать семь лет. Официально признанный единственный потомок всеми оплаканного третьего маркиза Лисберна, чья вдова недавно вновь вышла замуж и поселилась в Италии.

Последние пять или шесть лет лорд Лисберн тоже жил за границей и вернулся в Англию в компании своего кузена лорда Суонтона две недели назад.

Именно виконт Суонтон был той причиной, по которой Леони оказалась в галерее Пэлл-Мэлл среди рабочего дня.

Она снова посмотрела на картину. Затем огляделась вокруг. На самом деле впервые. Она наконец поняла, почему никто не мешал ей наслаждаться картиной. Все стены галереи были увешаны пейзажами, сценами гибели мифических и исторических персонажей, воинскими сражениями и чем-то подобным, а кроме того, мадоннами и картинами на религиозные сюжеты. Боттичелли не имел к этому отношения. Никакой тебе дидактики, никакого насилия, и уж совершенно точно никакой буколической невинности.

– Интересный выбор, – заметила Леони.

– Она висит особняком. Теперь вы это заметили, – сказал он. – Кажется, Боттичелли никого не волнует в наше время. Мои друзья уговаривали меня выставить здесь какую-нибудь батальную сцену.

– Вместо этого вы выбрали момент после.

Лорд Лисберн окинул картину своими зелеными глазами, а потом снова вернулся взглядом к Леони.

– Я мог бы поклясться, что между ними произошло любовное сражение.

– А я могла бы поклясться, что она одолела его.

– Ах, но ведь он восстанет снова, чтобы сражаться на следующий день.

– Может, и так. – Она развернулась и подошла к картине еще на шаг, понимая при этом, что рискует попасть под ее влияние. Снова. Разумеется, Леони видела работы ничуть не хуже. В Лувре, например. Но эта...

Хозяин картины подошел и встал сбоку. Какое-то время они разглядывали ее молча. В напряженной тишине, как ей показалось.

– Меня страшно интригует выражение лица Венеры. Интересно, о чем она думает?

– Существует единственная разница между мужчиной и женщиной, – отозвался Лисберн. – Он спит, а она думает.

– Должен же кто-то думать, – пробормотала Леони. – И, кажется, это чаще всего выпадает на долю женщин.

– Я всегда удивлялся, почему они потом тоже не засыпают.

– Ничего не могу сказать по этому поводу. – Она была честна. Ее представления о физической любви между мужчиной и женщиной – хотя старшие сестры весьма подробно описывали, как это происходит, – не основываются на собственном опыте. Для нее на первом и последнем месте всегда было дело. В особенности теперь. – Что интересует меня больше всего, так это внешний вид дамы.

Открыв свой ридикюль, Леони достала визитную карточку и протянула маркизу. Это была очаровательная карточка. Такой она, конечно, и должна была быть, чтобы соответствовать самому передовому предприятию Лондона в особой сфере деятельности. Размер у нее был такой же, как у карточек, с которыми

дамы наносят визиты, и гравировка элегантная, и цвет. Однако это все-таки была деловая карточка, на которой значилось – «Модный дом Нуаро», Туалеты для дам, Лондон, Сент-Джеймс-стрит, № 56.

Лисберн изучал визитку какое-то время.

– Я одна из владелиц, – объяснила Леони.

Он поднял глаза и встретился с ней взглядом.

– Это не на вас женился мой кузен Лонгмор?

Она даже не удивилась тому, что ее новый зять доводится кузеном лорду Лисберну. Все в этом мире связаны между собой родственными узами в той или иной степени, а плодовитая семья Фэрфаксов, к которой принадлежал граф Лонгмор, имела массу ветвей и продолжала пускать новые побеги, словно виноградная лоза.

– Нет. Это моя сестра Софи, – сказала Леони. – На будущее, Софи – блондинка. – Ей было известно, как лондонский свет воспринимает владелиц «Модного дома Нуаро»: три сестры, а иногда три ведьмы или три французские колючки – брюнетка, блондинка и рыжая.

– Понял. А одна из вас замужем за герцогом Кливдоном.

– Да, моя сестра Марселина. Она – брюнетка.

– Здорово, что ваши родители позаботились о том, чтобы было проще вас различать, – сказал он. – И как мило, что вы все мне объяснили. Не то, скажем, я перепутал бы вас с графиней Лонгмор и стал бы ухаживать, а ее суровый муж попытался бы проучить меня. Например, помял бы мой шейный платок, который я сегодня завязывал полчаса.

В свои двадцать один Леони была опытной деловой женщиной, а не какой-нибудь юной мисс, выросшей в тепличных условиях. Она посмотрела на шейный платок маркиза с профессиональной точки зрения. Вернее, попыталась. Но сделать это оказалось труднее, чем должно было бы быть.

Под точеной линией подбородка шейный платок с идеально заложенными складками был повязан настолько безупречно, что казалось, будто его вырезали из мрамора.

Все, во что был одет маркиз, производило впечатление какого-то нечеловеческого совершенства. Это относилось и к его лицу, и к фигуре.

У Леони вдруг слегка закружилась голова, и она подумала, что сейчас самый удачный момент упасть в обморок. Однако профессионализм победил, и Леони смогла критически оценить шейный платок.

– Вы потратили время с толком.

– Разве это имеет значение? – сказал Лисберн. – Никто не посмотрит в нашу сторону, когда Он рядом.

– Он? – удивилась Леони.

– Мой поэтический кузен. Я сыт по горло своими кузенами. О черт, вот и они!

Со стороны центральной лестницы доносились голоса.

Она повернулась на шум и увидела верхушки шляп, потом головы, а затем и туловища. После короткого замешательства группа, состоявшая главным образом из молодых женщин, выбрала путь и направилась к арке, ведущей в галерею, где в этот момент находилась Леони. Здесь они и остановились, вполне умеренно, но совсем не так, как подобает настоящим леди, потолкавшись и поработав локтями. Потом расступились и дали пройти вперед высокому, стройному, божественного вида джентльмену. Его соломенно-желтые волосы были слегка длинны, а одежда казалась несколько театральной.

– Я говорил о нем, – объяснил Лисберн.

– Лорд Суонтон, – догадалась она.

– Кто же еще может быть в окружении двух дюжин девушек, которые заглядывают ему в рот с одинаковыми влюбленными лицами.

Леони обвела взглядом компанию. Девушки были примерно одного с ней возраста, за исключением горстки мамаш или тетюшек, которые выступали в роли сопровождающих. В последних рядах почитательниц лорда Суонтона и их недовольных спутниц она вдруг увидела новую золовку Софи – леди Клару Фэрфакс. Вид у той был скучающий. Рядом с ее светлостью стояла простая на вид девушка, которая была потрясающе дурно одета.

Леони воодушевилась. Можно расширить клиентуру. Это даже выходило за рамки того, на что она рассчитывала.

На миг Леони забыла о новом знакомом и даже о картине. Почти. Но, справившись с возбуждением, снова повернулась к лорду Лисберну.

– Благодарю вас, милорд, за то, что не дали мне рухнуть, как тот мольберт, – сказала она. – Спасибо и за то, что выбрали именно эту картину для выставки. Терпеть не могу сцены с насилием, которые, судя по всему, здесь очень популярны. А безгрешные существа такие скучные! Этот опыт был благотворен.

– Какой именно опыт? – поинтересовался маркиз. – Наше знакомство было кратким, однако наполненным событиями.

Ей очень хотелось задержаться здесь, чтобы пофлиртовать с ним. Он был в этом хорош. Более того, в дополнение к своей красоте Лисберн был еще и аристократом, владевшим бесценной картиной – не важно, популярной или нет. Вне всякого сомнения, он владел еще несколькими сотнями бесценных или, по крайней мере, невероятно дорогих предметов искусства в дополнение к двум или трем огромным особнякам в разных уголках Великобритании. Если – или, вернее, когда – лорд женится и (или) заведет себе любовницу, ему придется нанять для нее дом, слуг, карету, лошадей и так далее. И тогда самым главным в этом «и так далее» будут наряды.

Однако подруга Клары чувствовала себя явно не в своей тарелке и была готова развернуться и уйти. А такой приз выпадает не каждый день. Леони уже добила внимания лорда Лисберна в любом случае. На днях он заявится к ним в магазин, если она хоть что-то понимает в мужчинах.

– Да, действительно, – согласилась она. – Тем не менее я здесь по делу.

– По какому?

– Дамы... – сказала Леони. – Наряды... – Она показала на свое платье. Жест Леони репетировала полчаса специально для этого случая. – Возможность заявить о себе...

Вежливо присев в реверансе, она быстро направилась к лорду Суонтону и компании его воздыхательниц. За своей спиной Леони слышала приглушенное бормотание, но у нее не было времени обернуться. Дурно одетая девушка тянула леди Клару за руку, чтобы уйти.

Леони прибавила шаг.

Не спуская глаз с подруги леди Клары, она не заметила брезента, расстеленного у нее под ногами.

Запнулась за него и полетела головой вперед.

Компания замерла, слышались смешки, когда Леони, совсем неизящно размахивая руками, падала на пол.

* * *

Лорд Лисберн тоже не обратил внимания на брезент. Он был слишком увлечен, разглядывая уходящую мисс Нуаро со спины, хотя до этого уже воспользовался возможностью понаблюдать за ней на расстоянии, а также в почтительной близости, пока она стояла перед Боттичелли, не замечая никого и ничего вокруг. Когда девушка обернулась и посмотрела на него, он чуть не споткнулся, решив, что боттичеллиевская Венера ожила: то же самое – или невероятно похожее! – лицо в форме сердечка, соблазнительный носик с небольшим изъёмом... Загадочная улыбка, за которой могла скрываться как глубокая задумчивость, так и тяжелый опыт... И неожиданно решительный подбородок.

Его воображение уже готовилось разыграть и создать малоприличные фантазии, но тут в дело вмешались рефлексy. В одну секунду он оказался рядом с мисс Нуаро и одним мягким движением подхватил падавшую девушку, заключив ее в объятия.

За шесть лет, которые Саймон Блэр провел вне Англии, женские наряды в своей экстравагантности стали еще более причудливыми. Трудно было с уверенностью сказать, какая часть девичьей фигуры настоящая, а какая создана ради художественного эффекта. И хотя ему нравились художественные эффекты, он с радостью обнаружил, что чудесные формы этой девушки оказались искусственными в самой незначительной степени. Судя по теплу, которое ощущалось при прикосновении, тело у нее было щедро-округлым, как он и предполагал. И пахло от нее тоже очень приятно.

Лисберн увидел широко открытые глаза, синева которых могла бы затмить сапфиры и тосканское небо, и сочные пухлые губы.

– Теперь вы добились своего, – шепотом произнес он. – Все смотрят на вас.

Так оно и было, без преувеличения. Все остановились, прекратили разговаривать и смотрели на них, раскрыв рты. И кто стал бы винить их за это? Ведь не каждый день рыжая роскошная особа падает в объятия мужчины.

Возникшая суeta привлекла людей из других залов.

Сегодняшний день становился не таким скучным, как обещал.

– Мисс Нуаро!

Суонтон заторопился к ним, проталкиваясь сквозь толпу своих обожательниц, по ходу дела пару раз наступив кому-то на ноги. Барышни последовали за ним. Даже кузины Лисберна – Клара и Глэдис Фэрфакс – тоже не остались в стороне. Хотя на их лицах не было заметно сильного беспокойства, а энтузиазма – и того меньше.

– Зевс Великий, что произошло? – всплеснул руками Суонтон.

– Даме стало дурно, – ответил маркиз.

Он знал, те несколько человек, кто смог оторваться от созерцания Суонтона, видели, что происходило на самом деле. Лисберн оглядел собравшихся, лениво предлагая свидетелям возразить ему. Никто не шевельнулся. Даже два

отъявленных мерзавца Меффат и Тикер молчали. В кои-то веки!

Правда, леди Глэдис Фэрфакс фыркнула, но на нее никто не обратил внимания – кому же захочется превратиться в объект кровной мести. С другой стороны, она ведь тоже недавно вернулась в Лондон после нескольких лет отсутствия. Ее, конечно, никто не забыл, как не забывают эпидемию чумы, например, или Лондонский пожар, или приступ водобоязни.[3 - Лондонский пожар, или Великий лондонский пожар, охватил центральные районы английской столицы и продолжался четыре дня (2–5 сентября 1666 г.).]

– Merci. – Мисс Нуаро поблагодарила его вполголоса по-французски. Лисберн не услышал ее, а скорее ощутил сказанное, в такой близости к его груди она находилась.

– Je vous en prie, – с готовностью ответил маркиз.[4 - Пожалуйста (фр.).]

– Это была мгновенная слабость, – уже более отчетливо сказала Леони. – Вы можете опустить меня на пол.

– Уверены, мадам? – спросил Суонтон. – Вы покраснелись, что неудивительно. Эта ужасная духота! Ни глотка свежего воздуха сегодня. – Он бросил взгляд на небо за окном. Все сделали то же самое. – А солнце! Оно палит, словно перепутало Лондон с Сахарой. Кто-нибудь, будьте так любезны, подайте мадам стакан воды.

Мадам? Тут Лисберн вспомнил ее элегантную визитную карточку. На таких карточках портнихи, в особенности самые дорогие, именуются «мадам», вне зависимости от их семейного статуса.

Суонтон, оказывается, был знаком с ней. И ведь словом не обмолвился, подлец. Нет, подлость не в его характере. Скорее всего, им овладело очередное поэтическое вдохновение, и он просто забыл о мисс Нуаро, пока не увидел ее снова. Вполне типично для него.

Отец Суонтона погиб молодым при Ватерлоо, и тогда отец Лисберна принял мальчика в свой дом. Саймон стал ему старшим братом, его защитником и сохранял данное положение, пока Суонтон не стал Суонтоном.

– Милорд, вы слишком любезны, – сказала она. – Мне не нужно воды. Все в порядке. Это была минутная слабость. Лорд Лисберн, прошу вас, отпустите меня.

И начала изгибаться в его руках, что было забавно.

Будучи мужчиной отменного здоровья, у которого все части тела пребывали в рабочем состоянии, ему страшно не хотелось отпускать ее. Но так как последнее все равно пришлось бы сделать, Саймон решил продлить удовольствие и поэтому поставил девушку на пол с величайшей осторожностью, позволив ее телу проскользнуть вдоль своего, и не выпустил ее из объятий, пока она твердо не встала на ноги.

Прикрыв глаза, Леони тихо что-то сказала, потом снова открыла глаза. На губах заиграла улыбка, которая предназначалась только ему. Улыбка сияла, как и ее глаза. От двойного эффекта у Саймона даже немного закружилась голова.

– Мадам, если вы пришли в себя, может, позвольте представить вам моих друзей? – встрял Суонтон. – Я знаю, они в полном нетерпении желают познакомиться с вами.

Джентльмены – да, вне всякого сомнения. Им только дай возможность завязать отношения с красивой женщиной, особенно в подобной ситуации, когда другие не обращают на них внимания и лишь вьются роем вокруг Суонтона.

Но дамы? Они что, желают быть представленными хозяйке модной лавки?

Почему бы и нет, решил Лисберн. Три сестры Нуаро завоевали себе известность. Недавно он слышал о них в Европе.

Саймон заметил, как ее улыбка и сияющий взгляд буквально обворожили аудиторию.

– Вы очень любезны, милорд, – сказала она. – Я и так уже доставила много беспокойства. Дамы знают, где меня найти – здесь, за углом, дом пятьдесят шесть по Сент-Джеймс-стрит. А дамы, как вам известно, моя главная забота.

Договорив, Леони бросила взгляд на кого-то в толпе. На кузину Клару? Потом сделала реверанс и направилась к выходу.

Оставшиеся вновь переключили внимание на Суонтона, женщины, разумеется, сделали это первыми. Тот продолжал поэтизировать или романтизировать, или чем он там занимался, и все перешли к «Юности между Добродетелью и Пороком» Веронезе.

Однако Лисберн продолжал смотреть вслед мисс Нуаро. Ему показалось, что девушка еще нетвердо держится на ногах, что движется не так грациозно и естественно, как раньше. В начале лестницы она положила руку на перила и поморщилась.

* * *

Ей не удалось уйти быстро.

Леони слышала шаги за спиной. Она поняла, кто это, даже не обернувшись. Наверняка из-за того, что маркиз несколько минут назад страстно прижимал ее к себе, а потом в высшей степени неприличным образом поставил на ноги. Леони дрожала всем телом до сих пор.

Или, может, он сообщил о себе неким импульсом, посланным через все помещение, как это делают некоторые божества, оповещая о своем приближении необычными сполохами огня, волшебными звуками, неземными ароматами.

– Мне кажется, вам все еще больно, – обратился к ней Лисберн. – Позвольте, я помогу вам.

– Я надеялась исчезнуть незаметно, – сказала она.

– Это нетрудно. Все столпились вокруг моего кузена. Суонтон сейчас разглагольствует по поводу «Добродетели и Порока», и им кажется, что он скажет нечто особенное. – Продолжая говорить, маркиз завладел ее левой рукой, закинул ее себе за шею и обнял Леони за талию.

Она затаила дыхание.

– Вам, наверное, чертовски больно, – заметил Лисберн. – Я подумал, может, лучше осмотреть вашу лодыжку, прежде чем мы двинемся дальше. Вдруг вы пострадали намного серьезнее, чем нам кажется.

Если маркиз дотронется до ее лодыжки, Леони потеряет сознание, и не обязательно по причине медицинского свойства.

– Я просто подвернула ее, – сказала она. – Если было бы что-то серьезное, я сейчас сидела бы на ступеньке и рыдала от боли.

– Я могу нести вас на руках, – предложил он.

– Нет! – воскликнула Леони и добавила после паузы: – Благодарю вас.

Они начали медленно спускаться по лестнице. Она сделала усилие, чтобы отвлечься от присутствия рядом большого, излучающего тепло тела, поддерживавшего ее. Это было не так-то просто. Слишком долго она смотрела на Боттичелли, у нее перед глазами все еще оставались обнаженные мускулистые руки и ничем не прикрытый мужской торс.

К тому времени, когда они добрались до первой ступеньки, мысли ее, обычно упорядоченные, забрели в какую-то неизведанную область, и Леони вдруг обратила пристальное внимание на свои физические ощущения.

Ей потребовалось сделать усилие, чтобы заговорить.

– Могу только надеяться на то, что люди подумают, будто у меня закружилась голова от короткой встречи с лордом Суонтоном.

– Именно это я им и скажу, если хотите, – предложил маркиз. – Но у меня сложилось впечатление, что вы уже были знакомы.

– В Париже, – кивнула она. – Вечность назад.

– Та вечность не длилась долго, – заметил он. – Вы, конечно, хромаете, но не выглядите дряхлой.

– Это случилось во время его первого визита в Париж, – сказала Леони.

– Значит, пять с лишним лет тому, – прикинул Лисберн.

Тогда Леони было почти шестнадцать. Она радовалась работе, чувствовала себя счастливой в семье, в особенности от того, что у нее имелась маленькая племянница, получала удовольствие от успехов «Эммелин» – прелестного ателье, которым владела кузина Эмма.

До тех пор, пока все не рухнуло.

– Лорд Суонтон появился в магазине моей кухни, чтобы купить подарок своей матери, – объяснила Леони. – Он был милым, мягким и обходительным. В Париже джентльмены очень часто путают ателье по пошиву одежды с борделями.

Те, кто упорствует в своем заблуждении, потом часто попадают в неприятные ситуации.

Самое первое правило, которое усвоила Леони, гласило: мужчинам требуется лишь одно... Кузина Эмма учила своих юных подопечных, как защищаться от агрессивных мужчин, наравне с тем, как кроить и шить. К сожалению, она не рассказала девочкам, как вести себя с римскими божествами. Это было более хитрое дело, чем заниматься коммерцией, хотя у Леони хватка была не то что у ее сестер. Это сразу становилось очевидным, как только дела выходили на первый план. Марселина и Софи всегда витали в облаках – мечтательницы и авантюристки. Так типично для семейства Нуаро! Так типично для семейства Делюси!

От него пахло чистотой. Так пахнет в воздухе после дождя. Как это ему удается? Это такой одеколон? Или какое-то новое чудодейственное мыло?

Когда они спустились на первый этаж, пульсирующая боль в лодыжке ослабла.

– Мне кажется, вы можете меня отпустить, – сказала Леони.

– Уверены?

– Лодыжка болит не сильно. Я уже могу не опираться на вас.

На самом деле ей нельзя было опираться на него вообще, потому что он слишком тесно прижимал ее к себе. Она ощущала каждый дюйм мужской мускулистой руки и – несмотря на нижнюю рубашку, корсет, лиф и пелерину – что его пальцы касаются самого низа ее грудной клетки.

Леони перестала обнимать его за шею. Лисберн отпустил ее талию, предложив теперь руку. Она протянула ему свою ручку в перчатке, и он взялся за нее так же решительно, как перед этим за талию.

Ей пришлось сказать себе, что в этом нет ничего интимного по сравнению с тем, как он держал ее в объятиях, прижимая к себе. Однако это не могло объяснить, почему у нее возникло желание развернуться и убежать прочь. Она знала, как защитить себя, разве не так? Знала, как не подпасть под очарование красивого мужского лица и стати, а также низкого, обольстительного голоса.

Леони не могла позволить, чтобы ею руководила паника. Лодыжка перестала болеть лишь в самой малой степени. Ей придется без помощи хромать до ателье по жаре. Хоть расстояние невелико, но надо будет тащиться в гору. Пока доберется до места, она только еще больше растревожит ногу и станет ни на что не годна.

Дело на первом месте, и на последнем, и всегда! Когда они вышли на Пэлл-Мэлл, Леони сосредоточилась на том, чтобы подсчитать, каким капиталом он обладает, напомнив себе про его будущую жену и (или) любовницу и подавив неприятные эмоции цифрами, как ей частенько приходилось делать. Подругу леди Клары теперь можно будет сбросить со счетов. На сегодня это было ее единственным делом.

– Вы что-то начали говорить про свое дело, – напомнил Лисберн.

– Разве? – Сердце быстро заколотилось. Она что, начала говорить вслух сама с собой и не заметила этого?

– Перед тем, как заторопились к моему кузену.

– Ах, это... – расслабилась Леони. – Да, верно. Куда бы лорд Суонтон ни отправился, его всегда сопровождает большая группа молодых девиц. Он сказал одной из наших клиенток, что собирается сегодня после обеда побывать в Британском Институте. Мне показалось, что это удачная возможность познакомиться с работой нашего ателье тех, кто еще ничего о нем не знает.

– Значит, никакого отношения к его поэзии это не имеет.

Она пожала плечами и получила в ответ новый приступ боли.

– Я содержу ателье по пошиву дамской одежды, милорд, – напомнила Леони. – И напрочь лишена романтической чувствительности. – Она трудилась с детства. Барышни, которые поклонялись лорду Суонтону, не жили в Париже во времена хаоса, невзгод, они не умирали от эпидемии холеры. Так что в скорби, страданиях и смерти для нее не было ничего поэтического.

– Должен признаться, меня это приводит в замешательство, – сказал лорд Лисберн. – Я не вижу в этом ничего романтического. Как и большинство мужчин. Эта болезнь, мне кажется, поражает только юных созданий, за небольшим исключением. Кузина Клара, хоть пребывает в уязвимом возрасте, явно сучала. Вид у кузины Глэдис был кислый. Правда, он у нее всегда такой, поэтому невозможно с уверенностью сказать, поклонялась ли она ему.

– Кузина Глэдис? – переспросила Леони. – Это девушка, которая появилась вместе с леди Кларой?

– Леди Глэдис Фэрфакс, – пояснил маркиз. – Дочь лорда Боулсворта. Знаменитый дядя Клары, ну, вы знаете. Герой войны. Понятия не имею, что заставило Глэдис вернуться в Лондон, хотя у меня есть кое-какие безрадостные подозрения. Я вижу, вы пока не очень хорошо себя чувствуете, мисс Нуаро.

Они как раз добрались до Сент-Джеймс-стрит. На Пэлл-Мэлл при выходе из Института уже было жарко, но сейчас духота навалилась на них вместе с обжигающим ветром, который вдобавок нес пыль, поднимавшуюся от проезжавших мимо карет, всадников и даже от пешеходов. Теперь у Леони еще разболелась и голова, причем так же сильно, как нога. Она пыталась вспомнить,

когда в последний раз слышала о леди Глэдис Фэрфакс, но голова отказывалась работать из-за жары, боли и общего замешательства.

– Так и есть, – сказал он. – Я возьму вас на руки.

Что и сделал. Леони не успела отказаться, а потом ее протесты были заглушены его шейным платком.

– Да, все на нас будут смотреть, – согласился Лисберн. – Но это же отличная возможность заявить о себе, вы так не считаете? Знаете, я уверен, что набью себе руку в этом деле.

* * *

Тем временем в Британском Институте

Сэр Роджер Тикер и мистер Джон Меффат, эсквайр, были среди немногих, кто обратил внимание на то, что лорд Лисберн ушел вместе с мисс Нуаро. Эти два господина появились в Институте вместе с группой почитателей Суонтона, но не принадлежали к их числу, хотя в прошлом были одноклассниками поэта.

Они не относились к любимым одноклассникам, потому что почти год нещадно третировали его, пока лорд Лисберн случайно не узнал об этом и не проучил их. Причем неоднократно. Ведь они не поняли с первого раза, что к чему. Но эти молодые люди оказались не только непонятливыми, но еще и злопамятными.

Они следовали за толпой почитательниц Суонтона в нескольких шагах, отчасти из-за того, чтобы оставаться на безопасном расстоянии от лорда Лисберна.

Тикер проводил маркиза взглядом до лестницы. Как только Лисберн с мисс Нуаро исчезли из поля зрения, он заявил:

– Все, можно не сомневаться, маркиз готов.

– Если кто готов, так это французская модистка, – откликнулся Меффат. – Ставлю десять фунтов.

– У тебя нет десяти фунтов, – заметил Тикер.

– У тебя тоже.

Роджер снова повернулся к поэту. Они понаблюдали, как юные женщины уже вовсе не исподтишка толкали друг друга, чтобы оказаться ближе к своему идолу, а он в это время целенаправленно двигался к Веронезе.

– Надоедливый сопляк, не так ли? – сказал Тикер.

– Всегда таким был.

– Пишет сплошной вздор.

– Всегда так писал.

Никто не смог бы осудить их за то, что они не сделали все возможное, чтобы просветить читающую публику. Перед возвращением Суонтона в Англию эти двое распространили через различные журналы полдюжины анонимных памфлетов, имевших отношение к его поэзии, в дополнение к паре непристойных лимериков. Большинство критиков поддержали их.

Но одна молодая светская особа проигнорировала мнение критиков и купила «Алцинт и другие поэмы» – сборник мрачных стихотворений Суонтона, и, судя по всему, выплакала все слезы. Она рассказала своим подругам о новом лорде Байроне, которого открыла. Потом весть о нем распространилась, и типографщики не успевали удовлетворять спрос, возникший на его книги.[5 - Байрон Джордж Гордон (1788–1824) – великий английский поэт, яркий представитель романтизма.]

Так как наблюдать за поэтом доставляло мало удовольствия, Тикер и Меффат обратили свое внимание на незадачливого художника, который, вновь установив мольберт, пытался подправить свою пострадавшую картину.

Они подошли к нему ближе, чтобы в шутку посоветовать что-нибудь и вроде как невзначай смахнуть на пол принадлежности для рисования, которые он с такой тщательностью выставил перед собой. Советы касались их любимых тем, а

кроме того, они начали спорить, напоминает ли то, что написано в углу картины, дамскую шляпку или это женский половой орган. Полностью поглощенные представившейся возможностью помучить того, кто слабее, беднее и не может постоять за себя – впрочем, обычная манера поведения этой парочки! – они совершенно не обратили внимания на молодую женщину, которая оказалась рядом с ними, и заметили ее, когда она уже практически зажала их в угол.

– Мне нужна ваша помощь, – сказала незнакомка. Им хватило ума не поднимать ее на смех, что также было обычным делом, когда не особенно важная персона обращалась к ним за помощью. Они даже не стали делать ей непристойных предложений, что тоже было странно. Ведь незнакомка была исключительно хороша – светловолосая, стройная и юная. Джон Меффат посмотрел на нее раз, второй. Казалось, он был в недоумении. Повернулся и вопросительно глянул на своего друга. Тикер на секунду нахмурился, словно ему в голову пришла какая-то мысль.

Потом ответил предостерегающим взглядом, и Меффат прикусил язык.

Затем Тикер расплылся в любезной улыбке. Лицо у него, должно быть, при этом заныло от боли.

– Почему бы и нет, моя дорогая, – сказала он. – Давайте найдем менее публичный уголок, и вы нам все расскажете.

Глава 2

Хотя дамский туалет никогда не должен привлекать к себе излишнего внимания, чтобы не стать помехой более высоким жизненным ценностям, тем не менее наряд юной леди, насколько бы прост он ни был, является показателем ее вкуса. Поэтому он, конечно, заслуживает особенной заботы с ее стороны.

«Книга для чтения юной леди», 1829 г.

По удушливой жаре лорд Лисберн нес на руках мисс Нуаро через Сент-Джеймс-стрит. Открыв рты, прохожие смотрели на них. Пара экипажей зацепилась

колесами друг за друга, а какой-то джентльмен, переходивший улицу, врезался в почтовый ящик.

Софи сочла бы это великолепной возможностью, напомнила себе Леони. Она постаралась забыть о головной боли, о том, что ноет лодыжка, и приняла невозмутимый вид, как будто это была повседневная вещь – прибыть в магазин на руках. На руках древнеримского бога! Который, кстати, даже ничуть не устал.

Подняв на него взгляд, Леони заметила легкую улыбку на его прекрасных губах.

– Смешно, – сказал Лисберн. – Какой номер вы называли? Правильно, пятьдесят шесть. О, смотрите. Какая прелесть! Очень по-французски! Этот паренек в немыслимой сиреневой с золотом ливрее ваш?

– Да. – Леони даже не посмотрела в ту сторону. – Это Фенвик, наш мастер на все руки.

– Он откроет перед нами дверь или будет стоять здесь в качестве украшения?

– Одна из его обязанностей – открывать дверь, – сказала она.

Софи подобрала оступившегося парня во время одного из своих путешествий, Фенфик был учеником карманника. Когда с него соскребли слои уличной грязи, вид у мальчишки оказался прямо-таки ангельский. Он имел успех у дам. Он...

Вот что вспомнила Леони. Софи нашла Фенвика в тот самый день, когда отправилась шпионить за конкурентами. Чтобы проникнуть в ателье миссис Доунс, сестра выдала себя за леди Глэдис Фэрфакс. Одевалась так, как, по ее представлению, одевалась леди Глэдис, вспомнив при этом рассказанное о ней леди Кларой и применив свое собственное буйное воображение.

Но у Леони не было сейчас времени, чтобы дальше думать про леди Глэдис. Фенвик распахнул дверь, и лорд Лисберн внес ее внутрь. Все работавшие в ателье девушки были сражены наповал.

Раздались восклицания: «Мадам!», слышались тихие всхлипывания. Они сбежались из своих углов и собрались вокруг нее и маркиза.

– Освободите доступ воздуху, – скомандовал кто-то. Все расступились, потом снова столпились. Они приказывали друг другу подать воды, позвать доктора, принести нюхательную соль и не прекращали спорить между собой. А между тем клиентки оказались предоставлены самим себе, разгуливали по ателье, разглядывали манекены, пока работницы бились в истерике.

К счастью, в главном зале появилась старшая портниха Селина Джеффрис и избавила мисс Нуаро от необходимости восстанавливать дисциплину среди персонала. Она быстро призвала девушек к порядку и провела лорда Лисберна на служебную половину. А там Леони показала ему дорогу в свой кабинет.

Он опустил ее в кресло. Подставил скамеечку для ног, не обращая внимания на заверения, что она все сможет сделать сама. Опустился на колени и осторожно положил больную ногу на скамеечку. От прикосновения его рук какая-то странная волна ощущений промчалась по всему телу, даже в тех местах, которые женщины не демонстрируют друг другу.

– Мне кажется, надо принять чего-нибудь крепкого, – сказал Лисберн, вставая.

Он был абсолютно спокоен. А ей требовалась ледяная ванна.

– Вы не против бренди? – спросила Леони.

– Я имел в виду вас, – заметил он. – Что-то вы не очень хорошо выглядите.

– На глазах последнего лондонского романтика я превратилась в грязную лепешку, – сказала она. – В одном и том же месте споткнулась дважды. Теперь все будут говорить, что я перебрала с алкоголем. Во второй раз я упала так, что подвернула лодыжку. Маркиз Лисберн тащил меня на руках через всю Сент-Джеймс-стрит, развлекая толпу, а потом поверг в ужас моих работниц. У меня все болит с головы до ног, я вся вспотела, и не от того, что много трудилась, а от того, что позволила нести себя на руках. Естественно, вид у меня не бог весть какой. И я вне себя от злости. Или мне сначала стоило поблагодарить вас, а потом уже жаловаться?

– Никаких благодарностей не требуется, уверяю вас. Это самое очаровательное приключение, которое я пережил после того, как мы с Суонтоном вернулись в Лондон. – Он снял перчатки. – Где вы держите бренди?

Леони показала. Он налил себе, затем ей. Потом обошел кабинет, словно был здесь владельцем. Что не казалось странным. Аристократы всегда вели себя так, с тех пор как завладели Англией, и было не важно, владели ли они чем-то конкретно или нет.

Но затем он начал трогать ее вещи!

* * *

Саймон был в восторге.

Вдоль одной стены на трех сверкавших чистотой полках в идеальном порядке выстроились бухгалтерские книги. Письменный стол блестел полировкой. Помимо чернильницы на нем стоял лоток с перьями, все заостренные, как для смертельного сражения. На других стенах висели картинки с образцами модных французских нарядов и несколько литографий со сценами из парижской жизни, расположенные аккуратно, на равном расстоянии друг от друга. Все, что еще было тут, скрывалось за плотно задернутыми шторками и в шкафчиках.

Склонив голову набок, он попытался прочитать написанное на корешках бухгалтерских книг, потом вытянул одну и посмотрел на название на обложке. Пролистнул несколько страниц. Один аккуратный столбик содержал перечень подробно описанных операций. Второй столбец, такой же аккуратный, состоял из цифр.

– Нигде ни единой пометки, – сказал он. – Сами этим занимаетесь? Как вам это удастся, столько писанины, столько цифр и ни одной кляксы?

– Милорд, это частная финансовая информация, – уклончиво ответила Леони.

– Ваши секреты не пострадают, – усмехнулся Лисберн. – Для меня это как китайская грамота. Я могу читать это день за днем и не стану умнее. Хотя нет, не совсем так. Я, например, знаю, что означают записи красными чернилами. Мой юрист очень часто лез ко мне с этим. Ровно до того момента, пока я не передоверил это дело Аттриджу, моему секретарю. Он предупреждает меня, когда я забредаю на территорию красных чернил.

– Секретарь занимается вашим капиталом? – Ее голос был преисполнен неподдельного ужаса. – Вы вообще не заглядываете в бухгалтерские книги?

Какой милый у нее почерк! Четкий, упорядоченный и, однако, такой женский.

– Проблема с проверкой бухгалтерских книг заключается в том, что это рождает в человеке чувство неполноценности, – умело обошел он скучную правду. – Я вижу, у вас тут мало записей красными чернилами, мисс Нуаро. Вы это сами все ведете, без всяких там Аттриджей, юристов и тому подобных? Просто записываете каждую вещь, сколько она стоит, сколько за нее заплатили, потом итог, и таким образом все доводите до конца?

– Это моя работа, – сказала она. – Герцогиня Кливдон придумывает туалеты, леди Лонгмор поддерживает репутацию «Модного дома Нуаро» в глазах публики, а я веду дела.

– Хотите сказать, отслеживаете прохождение денег.

– Это лишь часть дела. Я нанимаю и увольняю портних, присутствую при их кризисах и истериках, выдаю всем зарплату, обеспечиваю поставки.

Лисберн закрыл книгу и какое-то время разглядывал мисс Нуаро. Это доставляло ему удовольствие. Прежде всего, у нее было необычное лицо. Большие голубые глаза, пухлые губы и решительный подбородок.

Такой подбородок хорошо сочетался с аккуратными колонками цифр и отсутствием клякс.

Ее платье словно привезли сюда из сказочной страны.

Белые оборки и кружева каскадами спускались к талии, словно морская пена. Из-под кружев виднелись пышные рукава, как подушки. От тонкой талии стекали вниз волны юбок. Верхняя белая была расшита каким-то немыслимым количеством мелких голубых цветочков. Это смотрелось роскошно и безумно женственно. Сразу хотелось помять юбки, чтобы услышать, как шуршит материя.

Ладно, не только ради этого.

Что за наслаждение было нести ее через всю Сент-Джеймс-стрит!

Он смотрел на ее лицо, на это платье, а сам думал о цифрах, выписанных в аккуратные столбцы.

Поставил бухгалтерскую книгу на место.

У нее с губ сорвался какой-то тихий звук.

– Вы хорошо себя чувствуете? – встревожился Лисберн. – Нога по-прежнему болит? Может, еще бренди?

– Нет-нет, спасибо, – отозвалась она. – Я больше не имею права вас задерживать. Вы были так милы и по-рыцарски любезны.

– Для меня это было настоящим удовольствием, уверяю вас. – Он подошел к письменному столу, осмотрел его. – Я думал, что у меня выдастся очень нудная вторая половина дня, что придется выслушивать эмоциональные выплески Суонтона.

Потом маркиз взял в руки опасно оточенное перо и попробовал его кончиком пальца. На пальце осталась отметина. Ничего смертельного. Но вот если с яростью вонзить перо в кого-нибудь... Мисс Нуаро была на это способна, как ему казалось. Лисберн осмотрел тщательно заостренные перья. Вернув их назад на подставку, он почти не сомневался, что услышал, как девушка неровно задышала.

– Вам жарко, мисс Нуаро? – поинтересовался маркиз. – Может, распахнуть окно? Или от этого станет только хуже?

Она недовольно промычала в ответ.

– Если вас одолевает любопытство, милорд, – а я понимаю, что высокородные джентльмены всегда поступают, как им вздумается, – так вот, не изволите ли вы вернуть мои вещи в то положение, в каком нашли их?

Отступив от письменного стола, Лисберн заложил руки за спину. И совсем не потому, что смутился. Просто ему страшно захотелось перевернуть здесь все вверх дном и чтобы она стала частью беспорядка.

Он еще раз осмотрел письменные принадлежности и перья, а потом посмотрел на ряды грессбухов.

– Э... Нет. В этом-то все и дело. Я могу, конечно, попытаться, но они все равно расположатся по-другому. Вот для чего нужен Аттридж. Понимаете, мне все быстро надоедает, и тогда дела начинают идти наперекосяк. – Это не было такой уж неправдой. Как только Саймон осваивался с какой-нибудь вещью, она переставала вызывать у него интерес. Лишь скуку.

– Ваша одежда в безукоризненном состоянии, – отметила Леони.

Лисберн оглядел себя.

– Странно, не находите? Даже не понимаю, как мне это удастся. Тут чувствуется рука Полкэра, моего камердинера. Без него ничего бы не получилось.

Секунду он задумчиво рассматривал свой жилет. Это был его любимый. Лисберн не сомневался, что отлично выглядит в нем. Должно быть, какой-то проницательный дух посоветовал ему сегодня надеть этот жилет.

Нет, то был Полкэр.

* * *

Полкэр: Но милорд не может надеть коричнево-малиновый жилет по этому поводу.

Лисберн: Этот повод называется Суонтон, что означает, что все девицы будут смотреть только на него. Никому не будет дела до того, как я выгляжу.

Полкэр: Никто не знает, кого вы там встретите, милорд.

* * *

Это еще раз доказывало, что Полкэр не только гений среди камердинеров, но еще и оракул.

Саймон поднял взгляд на мисс Нуаро.

Нежный румянец прилил к ее скулам и тут же отступил. Зрелище было роскошным.

– Нужно ли мне рискнуть и снова все разложить по местам? – спросил Лисберн. – Боюсь, у меня не получится в полной мере соответствовать вашим требованиям. Кроме того, я подозреваю, что сейчас вы вскочите с кресла и... – Он задумался. – ...И воткнете в меня нож для зачистки перьев?

Саймон не сомневался, что она заставляет себя сдерживаться. Но это было не так легко определить. Выражение ее лица можно было бы описать, как загадочное. Хотя волосы у мисс Нуаро были рыжие, она, странным образом, совсем не краснела. Опять же, несмотря на все недостатки, ему нельзя было отказать в наблюдательности, в особенности если это касалось женщин. В данном случае Лисберн был по-ястребиному внимателен. То, как мисс Нуаро приняла расслабленную позу, не показалось ему бессознательным движением. Он отметил, что девушка заставила выглядеть себя спокойной, опустила плечи.

– Такая мысль у меня мелькнула, – призналась Леони. – Но от тел очень трудно избавляться, в особенности от тел аристократов. Люди легко замечают исчезновение лиц благородного происхождения.

Дверь оставалась слегка приоткрытой. Он понял, что кто-то подошел к ней с той стороны, потому что мисс Нуаро тут же встревоженно выпрямилась.

Затем послышался стук.

– Entrez, – громко сказала Леони, и в комнату вошла девушка, одна из тех, кто толпился в демонстрационном зале.[6 - Войдите (фр.).]

– О, мадам! Простите за мое вторжение, – затараторила вошедшая. По крайней мере, именно это она должна была сказать, прежде чем сделала одолжение и перешла на английский. – Но там леди Клара Фэрфакс и... еще другая леди.

– Другая леди?

Мисс Нуаро просияла и вскочила из кресла, забыв о травмированной ноге. Поморщилась и тихо выругалась по-французски, но глаза ее сияли.

– Проведи их наверх, в комнату для переговоров, и подай прохладительные напитки. Я сейчас буду.

Девушка удалилась.

– Наверх, в комнату для переговоров? – переспросил он. – Вы собираетесь ходить по лестницам в таком состоянии?

– Леди Клара привела сюда леди Глэдис Фэрфакс, – сказала она. – Вы что, не видели ее?

– Разумеется, я видел Глэдис. Ее невозможно не заметить, как невозможно не обратить внимания на падающий дом или сорокадневный ливень. Я вам сам показал ее.

– Я имела в виду ее манеру одеваться, – пояснила Леони.

– Мне пришлось тут же отвести взгляд, хотя недостаточно скоро. Это было чудовищно, как всегда.

Недостаток дружелюбия Глэдис с лихвой восполнялся ее дурным вкусом.

– Верно, – согласилась мисс Нуаро. На ее обычно сдержанном лице отразилось возбуждение, такое же необъяснимое, как и бесподобное. – Но я нужна ей. И поднимусь по этой лестнице ползком, если потребуется.

Вот дьявол!

А ведь день проходил так чудесно!

Пустить сюда Глэдис было то же самое, что позволить старому моряку испортить свадебный пир его унылыми рассказами о былых походах.

– Что за глупости! – возмутился маркиз. – Вам нельзя этого делать. Вы помнете свое платье.

Он пересек комнату и, подойдя к мисс Нуаро, предложил ей руку, прежде чем девушка заковыляла к двери.

– Я отведу вас, – сказал Лисберн. – Но если Глэдис нас увидит, это сделает ее еще более язвительной. Просто ядовитой. И вам ни о чем не удастся договориться с ней. Вы действительно хотите ее видеть? Может, лучше отправить к ней одну из тех многочисленных девушек?

– Передать такую покупательницу обычному сотруднику? – Она оперлась на предложенную руку. – Очевидно, что вам многое известно о бизнесе, милорд.

– А вам не помешало бы больше узнать о Глэдис. Но тут я бессилен, как видно. Некоторые любят набивать собственные шишки.

Он помог ей подняться на следующий этаж, но отступил, как только увидел приоткрытую дверь и услышал голос кузины. Уже громкий и раздраженный.

В памяти сразу всплыло кошмарное воспоминание о том, как он впервые увидел ее в их доме после похорон своего отца. Прыщавую, угрюмую и дерзкую девчонку пятнадцати лет, которую нельзя было выпускать из классной комнаты. И ее папашу! Знаменитого военного героя, который всеми правдами и неправдами пытался заставить убитую горем вдову согласиться на помолвку ее сына с этим чучелом – его дочерью. Лорд Боулсворт держал себя так, словно покойный был одним из его офицеров, павшим в сражении, и теперь ему нужно взять на себя командование вместо него, а все эти чужие жены, сыновья и дочери существуют лишь для того, чтобы маршировать по его приказу. После своего возвращения в Лондон Лисберн столкнулся с ней пару раз. Помимо очистившегося лица, он не нашел в ней иных заметных перемен. Характер тоже не улучшился. Наоборот, Глэдис стала еще больше походить на своего отца.

– Прошу прощения за то, что придется выступить перед вами в роли труса, развернуться и сбежать, – сказал он. – Но я ничем не помогу вам, если буду крутиться рядом. С Кларой все в порядке. Но вот Глэдис – совсем другое дело. Проще говоря, любезностями мы с ней обмениваться не будем. Она увидит меня, и в ней разыграется юмор самого отвратительного пошиба, какой вы только можете себе представить. Так что мне лучше не усложнять вам работу.

Три четверти часа спустя

– Вы что, ослепли? – воскликнула леди Глэдис. – Только взгляните на меня. Это немыслимо, груди вываливаются из платья. Люди начнут думать, что я отчаянно добиваюсь внимания.

Она посмотрела на трех женщин, которые внимательно смотрели на нее. Ее лицо покраснелось, как у пьяницы.

В голосе звучала злоба. Но в глазах девушки Леони увидела страдание. Ее светлость оказалась трудным человеком: деспотичной, грубой, нетерпеливой, необщительной, обидчивой. Обычной клиенткой, другими словами.

В настоящий момент леди Глэдис стояла перед трюмо в нижней рубашке и затянутая в корсет благодаря стараниям Джеффрис и моральной поддержке леди Клары. Этому моменту предшествовало настоящее сражение. Между тем лодыжка у Леони болела, голова – тоже, но это было неважно. Настолько же неважно, как и отвратительные манеры леди Глэдис.

Такой шанс выпадает раз в жизни.

– Миледи, один из главных принципов при пошиве платья – подчеркнуть достоинства, – сказала Леони. – Мужчины сосредоточивают свое внимание на женской груди. Ваша грудь – ваше величайшее достоинство.

– Не буду спорить по поводу величайшего, если вы имели в виду огромный размер, – пробурчала леди Глэдис. – Это место у меня не как у Сильфиды, я знаю. – Она злобно посмотрела на леди Клару, которая была слишком величественна для того, чтобы ее сочли Сильфидой. И тем не менее она была исключительно хороша собой: белокура, голубоглаза, с жемчужной кожей и женственной фигурой. И с мозгами! А еще и с ангельским характером.

Природа не одарила леди Глэдис никаким из видов классической красоты. Тусклые каштановые волосы. Незапоминающиеся карие глаза, которые, как и рот, были слишком малы для ее круглого лица. Отнюдь не идеальная фигура. У нее почти не было талии. Зато грудь – роскошная, и очень приличные бедра, хотя в данный момент их мог оценить только искушенный знаток.

– Это вовсе не означает, что у вас плохая фигура, – сказала Леони.

– Ты слышала, Глэдис? – спросила леди Клара. – Разве я не говорила тебе, что ты скрываешь лучшие части своего тела?

– У меня нет таких частей! – отрезала леди Глэдис. – Перестань говорить свысока. Я все вижу в зеркале.

– Позволю себе не согласиться, – возразила мисс Нуаро. – Если приглядеться внимательнее, то вы увидите, что этот корсет не подходит вашей фигуре.

– Какой еще фигуре? – вскинулась леди Глэдис.

– Давайте посмотрим, что будет, если мы снимем корсет.

– Нет! Я уже и так достаточно раздета. Моя портниха дома...

– ...судя по всему, злоупотребляет алкоголем, – подхватила Леони. – Я представить не могу, чтобы какая-нибудь модистка в здравом уме и доброй памяти могла бы упаковать свою клиентку в это, как... Как сосиску.

– Как сосиску? – взвизгнула леди Глэдис. – Клара, с меня довольно оскорблений от этой особы.

– Джеффрис, будь любезна, помоги леди Глэдис избавиться от корсета, – решительно распорядилась мисс Нуаро. Модистка, которая отвечала за клиентку, должна была еще закрывать ателье – она подрабатывала починкой одежды.

– Ни за что! – остановила девушку леди Глэдис. – Вы не дотронетесь до меня. Я отказываюсь от обслуживания чахоточной девчонкой, которая говорит на отвратительном подобию французского, что оскорбляет мой слух. Город и без того переполнен невеждами.

Джеффрис выросла в трудных условиях. Поэтому такое обращение было почти проявлением материнской заботы по сравнению с тем, что ей приходилось слышать в детстве. Она решительно направилась к клиентке, но стоило ей взяться за шнуровку корсета, как леди Глэдис резко развернулась и, замахав руками, практически зарычала на нее.

Как животное, загнанное в угол.

– Перестаньте, перестаньте, ваша светлость. Не надо бояться моей старшей портнихи, – стала уговаривать ее Леони.

– Джеффрис не может быть больна туберкулезом, – вмешалась леди Клара. – Иначе она уже умерла бы после всего, что пришлось пережить, снимая с тебя платье и нижнее белье.

– Я же говорила, что это будет пустая трата времени!

– А я говорила, что сыта по горло ядовитыми замечаниями некоторых личностей, которые вспоминали о твоих нарядах времен первого сезона. Но ты...

– Мне не интересно, мнение других!

* * *

– ?а suffit,[7 - Довольно! (фр.)] – сказала Леони. – Выйдите все отсюда. Мне нужно поговорить с леди Глэдис наедине.

– Я не собираюсь говорить с вами, – замотала головой клиентка. – Вы просто настоящая... Нет, Клара, не уходи!

Но та уже направилась к двери, Джеффрис – за ней. Они тихо вышли и прикрыли за собой дверь.

В неглиже леди Глэдис не могла броситься вслед за ними. И не могла одеться сама, потому что, как и большинство благородных дам, не знала, как это делается. Она оказалась в ловушке.

Открыв шкаф, Леони достала французский пеньюар. Кремового цвета, отделанный богатой вышивкой из розовых бутонов, нежно-зеленых выющихся стеблей и листьев. Пеньюар был пошит не из муслина, как это обычно бывает с дамскими ночными туалетами. Он был из шелка. Тончайшего, почти прозрачного.

Она развернула это произведение портновского искусства. Леди Глэдис засопела и насупилась, но не отвернулась. Ее взгляд не отрывался от непристойного куска шелка, и по лицу было видно, как ей сильно хочется выхватить его.

– Вы же не собираетесь предложить это мне, – наконец выдавила она. – Такой пеньюар подойдет только для женщины легкого поведения.

Мисс Нуаро подошла и накинула его на одеревеневшие плечи ее светлости.

Повернулась и посмотрела на отражение в зеркале. Непримириное выражение лица леди Глэдис смягчилось. Она быстро заморгала.

– Я... Я никогда не носила подобных вещей. Это дурно с вашей стороны – предлагать такое.

В ее голосе Леони услышала затаенное желание, и сердце маленькой портнихи заныло.

Леди Глэдис не была красавицей. Никогда не была и никогда не будет, сколько бы трудов ни потратили на нее искусные портные.

И тем не менее!

– Я не предлагаю вам купить это, – сказала мисс Нуаро. – Пока не предлагаю. Такая вещь потребуется для приданого.

– Для приданого? Смешно!

– Вот что мы сделаем, – продолжала Леони. – Начнем с избавления от этого чудовищного корсета.

– Какая вы все-таки властная и нахальная...

– Я предложу вам что-нибудь более подходящее, пока не сошью то, что необходимо именно вам. – Корсеты были специальностью Леони.

– Я не... Вы не... – Заморгав еще быстрее, леди Глэдис сглотнула.

– Ваша светлость больше никогда не будет носить готовые корсеты. – Леони заговорила деловым тоном. Чем меньше эмоций в обсуждении этой темы с клиентками, тем лучше. Так дамам легче воспринимать слова. – Они ничего не поддерживают и превращают вас в нечто бесформенное.

– А я такая и есть – бесформенная. Или вернее сказать, у меня отличная фигура, если вам нравятся... бочки.

– У вас нормальная фигура, – возразила Леони. – Не классическая. Но для мужчин это не важно. Они не настолько разборчивы, как считают юные девушки. У вас роскошная грудь, и как только мы освободимся от этого ужасного корсета, вы увидите, сколько изящества и стройности в ваших бедрах и ягодицах.

Леди Глэдис посмотрела на себя в зеркале. Сморщилась. Отошла в сторону и рухнула в кресло.

– Давайте оценим и другие достоинства, – продолжала Леони.

– Достоинства? – поперхнулась девушка.

– Помимо того, о чем я уже упомянула, у вас чистое лицо, элегантный нос и прелестные руки.

Леди Глэдис удивленно оглядела свои руки.

– Конечно, декольте – это первостепенно, – заметила мисс Нуаро. – Мужчинам очень нравится смотреть на женскую грудь. В действительности именно туда они бросают взгляд в первую очередь.

Глэдис продолжала рассматривать свои руки, как будто никогда их не видела.

– Мужчины не смотрят, – сказала она. – Они никогда на меня не смотрят. А потом я начинаю говорить, и... – Ее голос оборвался. По щеке покатилась слеза.

Леони протянула ей платок.

– Ваш первый сезон сложился неудачно. – Она вспомнила, что об этом говорила леди Клара. Или Софи? Как бы там ни было, подробностей Леони не знала. Да они ей и не требовались.

Глэдис высморкалась.

– Это еще мягко сказано! Вы знаете. Весь мир знает. Это был полнейший провал. Настолько чудовищный, что я тайком уехала домой в Ланкашир и думала, что никогда сюда не вернусь.

– Но ведь вы здесь, – заметила мисс Нуаро.

Леди Глэдис порозовела. На этот раз более очаровательно.

– Это не имеет отношения к сезону, – торопливо сказала девушка. – Он почти закончился. Большая часть мероприятий уже закончилась. Но я прочла в газетах о том, что лорд Суонтон проведет несколько публичных чтений своих произведений и выступит с лекциями о поэзии. Это... Тут исключительно литературный интерес. Поэтому я и приехала. А не потому, что... В общем, мне не хочется снова проходить сквозь эту серию испытаний – балы, приемы и тому подобное.

– Мне всегда казалось, что для юных леди первый сезон является чем-то вроде участия в борьбе за приз или в скачках, – сказала Леони. – Огромное количество девушек одновременно входят в общество, всем нужны мужья, и поэтому они сражаются, используя нечестные приемы. Ваши соперницы, которые мчатся бок о бок с вами, пользуются не только кнутом и шпорами, но еще и словом.

Леди Глэдис засмеялась.

– Соперницы? Я ни с кем не соперничала. У меня дебют прошел одновременно с Кларой. В такой ситуации только у Афродиты был шанс. А может, и у нее не было.

– Я поняла, в чем трудности, – сказала Леони. – Только давайте не выпускать из виду, что ваш дебют состоялся еще до того, как мы с сестрами поселились в Лондоне. Вас не подготовили соответствующим образом. – Помимо всего прочего воспитательницы и учителя танцев служили ей спустя рукава, так же как и портниха. Ее светлость не умела ходить. Она ступала тяжело, громко топала. И это только один момент. – Конечно, вы и одеты были неподобающе.

– О да, это объясняет все. Если бы вы взяли дело в свои руки, я превратилась бы в королеву бала.

Сделав шаг назад, Леони скрестила руки на груди и критически осмотрела свою новую клиентку. После долгого, напряженного молчания, во время которого ее голова была занята сложными подсчетами, она пришла к окончательному выводу.

– Да, миледи. Вы смогли бы. Точнее, сможете стать ею.

Ранний вечер пятницы, 10 июля

– Ах ты, ябеда! Я всегда ее обслуживаю!

– Всегда? Единожды два месяца назад.

– Как раз на прошлой неделе я занималась мисс Ренфрю, пока ты строила глазки мистеру Бернсу.

– Неправда!

– Правда-правда. Он, может, и не смотрел в твою сторону, но ты-то лезла из кожи вон.

Услышав ругань, Леони заторопилась из своего кабинета в мастерскую, и в это же самое время Джеффрис выбежала из демонстрационного зала, чтобы узнать, что происходит.

К тому времени, когда они прибежали в мастерскую, Глинда Симмонс уже налетела на Джоуни Баркер. Отчаянно завизжав, девушки вцепились друг другу в волосы, принялись царапаться и обмениваться оплеухами. Другие портнихи завизжали. Еще пара минут, и в разные стороны полетят рулоны дорогой материи, коробки с лентами, искусственные цветы, перья и другие предметы.

Мисс Нуаро несколько раз хлопнула в ладоши, но никто не обратил на нее внимания. Вместе с Джеффрис ей пришлось вступить в схватку, чтобы силой растащить дерущихся. Но крики продолжались. Спорившие стали перечислять свидетельства различных преступлений, совершенных противоположной стороной, а те, кто не участвовал в схватке непосредственно, восприняли это как приглашение выразить свое недовольство той или другой портнихой, в зависимости от личных симпатий.

Потребовался почти час, чтобы восстановить порядок. Предупредив девушек, что их всех выкинут на улицу без предупреждения и рекомендаций, если им вздумается устроить еще один скандал, Леони отправилась наверх, чтобы переодеть рабочее платье. Джеффрис пошла за ней.

– Лучше пришли мне в помощь Мэри Парментер, – попросила мисс Нуаро. Мэри осталась старшей в демонстрационном зале, когда Джеффрис бросилась останавливать войну. – Не спускай глаз со швей. Тебе лучше всех удастся пресекать конфликты в зародыше.

Это была одна из причин, почему Селина Джеффрис, несмотря на молодость и явную хрупкость, стала старшей портнихой.

Девушка пропустила слова Леони мимо ушей и принялась расстегивать на ней пелерину.

– Вы уже опаздываете, мадам, – сказала она. – Вам ведь известно, что Пармендер нервничает, когда ее начинают торопить. А я – нет.

Опоздать – вот это ей совсем ни к чему. Лучше бы вообще не ходить. Леони ничего не ждала от встречи, намеченной на сегодняшний вечер.

Лорд Суонтон вознамерился прочесть лекцию о поэзии, чтобы собрать денег в фонд приюта для глухонемых. На подобных мероприятиях блистала Софи. Она появлялась ненадолго, незаметно исчезала, а потом описывала событие в любимом лондонцами бульварном листке «Утреннее обозрение Фокса». Светский отчет всегда содержал подробный рассказ о том, во что была одета каждая клиентка «Модного дома Нуаро».

Леони ожидала появления заметки примерно с таким же чувством, с каким ее французский предок ожидал результатов от знакомства с мадам Гильотиной.

Джеффрис неправильно истолковала хмурое выражение лица мисс Нуаро.

– Пожалуйста, не переживайте из-за девушек, мадам. С ними все будет в порядке. Сейчас у них эти самые дни, а вы ведь знаете, как это протекает у девушек, которые постоянно работают бок о бок.

У них у всех «эти самые дни» приходились на один и тот же срок.

– В этом месяце все стало намного хуже, и мы с тобой знаем, почему, – сказала Леони. Марселина вышла замуж за герцога, а Софи – за будущего маркиза. И хотя любые другие женщины схватились бы за шанс не работать, ее сестры не походили на других. Со временем они так бы и поступили, но не без внутренней борьбы, конечно.

Девушки их не понимали, и было не так-то легко объяснить происходящее, тем более что теперь сестры редко появлялись в ателье. Марселина, которая по утрам страдала от тошноты, как это бывает с беременными, по приказу врача много времени проводила в постели. Софи приходилось держаться от ателье подальше, чтобы позволить модному обществу забыть, как выглядела французская вдова, коей она была еще совсем недавно.

Оставалась Леони. Она могла выполнять работу, которой занимались сестры, но без их блеска и стиля. У каждой из сестер была своя сфера деятельности, и Леони чувствовала, как ей не хватает их таланта. А также общения.

И она больше, чем кто-либо, беспокоилась о будущем «Модного дома Нуаро». Леони вложила в ателье все – ум, тело, душу. Эпидемия холеры погубила кузину Эмму и полностью разрушила их прежнюю жизнь в Париже. Эмма умерла очень молодой, но здесь, в Лондоне, ее дух и гениальность жили в их сердцах, в их новой жизни, которую они выстраивали с таким усердием.

– Девушки вели бы себя по-другому, если бы мои сестры чаще появлялись в ателье, – заметила Леони. – Определенный режим и привычка, Джеффрис. Ты же знаешь, что нашим работницам нужно не только быть постоянно занятыми, но еще и чувствовать, что существует порядок. – Многие из таких женщин заканчивают свои дни в домах призрения. А до этого их жизнь полна трудностей и хаоса. – Но без перемен не обойтись, и всем нужно приспособливаться к ним. – Для работниц это тяжело. Перемены расстраивали их. Для Леони это было очевидно. На нее перемены действовали так же. – Нам нужно установить новый порядок.

– Вы очень много работаете, – сказала Джеффрис. – Вам нужно отдыхать. Вы не можете работать за троих.

Леони улыбнулась.

– Конечно, но с твоей помощью мне это почти удастся. И давай поторопимся. Нужно приехать туда, пока все не закончилось.

* * *

Позже тем же вечером

Мисс Нуаро торопливо вошла в гостиную, примыкавшую к лекционному залу в клубе «Нью-вестерн-атенеум».

И замерла на месте. Из тени оконной ниши выступила высокая фигура в черном.

– Я уже думал, вы не придете, – сказал лорд Лисберн.

Она заметила, что его одежда, по правде говоря, была не полностью черной. В дополнение к ослепительно-белой сорочке и шейному платку на нем был зеленый шелковый жилет, щедро расшитый золотом. Внимание привлекала его узкая талия... Затем ее взгляд спустился ниже, к вечерним брюкам, которые плотно облегли длинные, мускулистые ноги.

Леони восстановила дыхание.

– Мы разве договаривались? – поинтересовалась она. – Если да, то я, должно быть, была в беспамятстве.

– О, я был уверен, что вы будете здесь. – Лисберн махнул рукой в перчатке в сторону двери, ведущей в лекционный зал. – Суонтон! Толпы девушек. – Он показал на ее платье. – Возможность заявить о себе?

Для этого случая мисс Нуаро выбрала платье из зеленого шелка. Хотя оно было вечерним, и вырез мог бы быть глубже, чем позволялось днем, Леони приглянулся простой фасон, более уместный на публичной лекции. Никаких кружев и оборок. Только скромная вышивка темно-зелеными нитками вдоль кромки юбки. Главный интерес вызывали очень широкие рукава, разрезанные так, чтобы казалось, будто под ними можно увидеть рукавчики нижней сорочки – мимолетный взгляд на нижнее белье, одним словом. Поверх она накинула шаль из тонкого шелка темно-красного цвета с золотым растительным узором на кремовом фоне. Это привлекало еще больше внимания к той белой ткани, что виднелась сквозь прорези в рукавах.

– Я собиралась приехать пораньше, – объяснила Леони. – Но у нас в ателье был трудный день, а тут еще жара. Все измучены. Вдобавок клиентки распекали девушек в магазине, и они, вернувшись в рабочую комнату, устроили скандал. Начался хаос. Чтобы успокоить всех, потребовалось несколько больше времени, чем полагалось.

– Вам повезло, – сказал маркиз. – Вы пропустили «Бедного Робина».

– «Бедного Робина»? – удивилась мисс Нуаро.

Лисберн приложил руку со шляпой к сердцу, поклонился, а потом завел замогильным голосом:

Когда я в последний раз услышал его тихое пение

Со всеми сладостными переливами,

Невольно родились слова:

– Прощай, пернатый певец, прощай!

Небо заволокли тучи, землю покрыл снежный саван,

И Робина не стало!

Я скучал, мне его мучительно не хватало

До слез. До жгучих слез!

– О боже! – только и сказала Леони.

– Это еще не все, – предупредил он. – Там какое-то немыслимое количество строф.

Сердце у нее упало. Кто-то, конечно, может довериться лорду Суонтону, который, пользуясь своим влиянием, собирает деньги для уважаемой организации. Но если придется слушать «Бедного Робина» еще часа два или больше, она бросится в Темзу.

– Мне кажется, лорд Суонтон слишком близко к сердцу принимает мелкие горести жизни, – заметила Леони.

– Он не может по-другому, – согласился Лисберн. – Он пытался, по собственному признанию, больше походить на Байрона, когда тот писал «Дон Жуана». Но безуспешно. У него всегда получалась какая-то жутко плаксивая версия «Чайльд Гарольда». Это еще в лучшем случае. Однако, к счастью для вас, там больше нет мест.

Нет мест! Облегчение, которое она испытала, было подобно волне прохладного ветра. Значит, не придется несколько часов внимать унылой поэзии.

Но Леони пришла сюда с определенной целью. Она здесь по делу. Там, где появляется лорд Суонтон, сразу образуется круг потенциальных клиенток «Модного дома Нуаро». И так же важно, что леди Глэдис будет здесь.

– То, что там давка, – это к лучшему, – сказала она. – А вход опоздавших привлекает дополнительное внимание.

– Даже если вы останетесь без рукавов и юбок, вам не удастся протиснуться туда, – заверил ее Лисберн. – Мне пришлось уступить свое место, так его заняли две дамы. В зале народ стоит по стенам. В основном, кстати, мужчины. Из-за того, что им все это наскучило, а вы – молоды и очаровательны и можете невзначай натолкнуться на несколько потных ручонков, которые попытаются оказаться там, где им быть не положено.

Словно насекомые поползли по коже. До нее уже пытались дотронуться прежде. Хоть Леони и была в силах постоять за себя, такой опыт не становился менее отвратительным.

– Я сказала леди Глэдис, что буду здесь.

– С какой стати?

– Бизнес, – коротко напомнила мисс Нуаро.

– Не из-за меня, другими словами, – сказал он.

Ей совершенно не хотелось рассказывать ему про Париж и про ту ночь, когда она торопилась вернуться домой, чтобы предупредить сестер об опасности, и вдруг очутилась в толпе мужчин, которые принялись трогать ее. Тогда ей с трудом удалось избежать изнасилования.

Тут, конечно, не Париж, успокоила себя Леони. Это Лондон, где сброд не ходит толпами. А эти люди собрались на общественное мероприятие, каких бывает много. Она направилась в сторону зала.

Лорд Лисберн – за ней.

– Духота! Жарища! Все забито возбужденными барышнями и раздраженными мужчинами, а Суонтон и его поэтические друзья рыдают над опавшими листьями, над мертвыми птичками и увядшими цветками, – бормотал над ухом маркиз. – Да, мне понятно, почему вам так не терпится оказаться там.

– Исключительно по делу, – отрезала Леони.

Она со скрипом отворила дверь и заглянула внутрь.

Через узкое пространство между столпившимися перед входом слугами можно было увидеть совсем немного. Тем не менее быстро стало понятно, что все места в партере заняты женщинами. Они сидели тесно, чуть ли не на коленях друг у друга. Женщины в сопровождении немногочисленных мужчин – отцов и братьев, скорее всего, – набились и в бельэтаж, и на балкон. Последний заметно провис под тяжестью зрителей. Каждый дюйм свободного пространства заполняли стоявшие мужчины. В зале была ужасная духота, в нос ударил запах разгоряченных тел.

Между тем кто-то, – точно не лорд Суонтон, – читал оду на смерть розы дрожащим голосом.

Она отпрянула назад. Натолкнулась спиной на теплую мощную преграду. Шелк зашуршал о шелк.

Лорд Лисберн перегнулся через ее плечо, чтобы заглянуть в зал, и тогда на Леони нахлынула волна из ароматов свежесглаженного полотна, бритвенного мыла и мужчины, которая захлестнула запах толпы.

– Рады своему опозданию? – спросил он. – Сейчас вы бы сидели там. – Его дыхание щекотало ей ухо. – И не вырвались бы оттуда, пока все не закончилось.

Она будет сидеть там, как в клетке, слушая поэтическую панихиду в течение нескольких часов. Леони зажмурилась и сказала себе, что это ради дела, затем несколько раз глубоко вдохнула и открыла глаза. Она сейчас отправится в зал. Она...

Его большая рука в перчатке легла на створку двери в паре дюймов от ее плеча. Лорд Лисберн закрыл дверь.

– У меня возникла идея, – сообщил он. – Давайте поедem в цирк.

Глава 3

Никогда не советуй, дорогая моя,
Мне беречь свое сердце,
Когда я танцую вон с тем уланом,
Ветреным и живым.
Иллюзии, которые появляются в голове
В восемнадцать,
Перестанут очаровывать
В двадцать восемь.

Миссис Эбди. «[8 - Эбди Мэри (1797–1867) – знаменитая английская поэтесса.]Мужчина, готовый жениться», 1835 г.

Леони резко обернулась. Так как Лисберн не двинулся с места, она натолкнулась на него, прикоснувшись при этом грудью к его жилету на один восхитительный миг. От нее тоже пахло великолепно.

Она подняла руку и оттолкнула его не так, как толкаются маленькие девочки, или когда флиртуют. Нет, это было очень решительно. Правда, недостаточно сильно, чтобы Саймон потерял равновесие, но намек был очевиден – ей не хочется играть в кокетку.

Лорд Лисберн понял намек и сделал шаг назад.

– Цирк? – Она произнесла это так, словно речь шла о полете на Луну.

– Да, в цирк Астли, – подтвердил он. – Будет весело.[9 - Цирк Астли – конный цирк, основанный в Лондоне известным наездником Филиппом Астли в 1768 г. Соединял арену с театральной сценой, на которой ставились мелодрамы. Действие со сцены часто переходило на арену.]

– Весело...

– Во-первых, там не будет никаких заунывных стихов, – начал перечислять Лисберн. – Во-вторых, там не будет никаких заунывных стихов, и в-третьих...

– Это же на другом берегу! – Теперь фраза действительно прозвучала так, как будто Леони говорила о Луне.

– Да, – подтвердил он. – И тогда широкая Темза ляжет между нами и заунывными стихами.

– Нами!

– Вы уже подходяще одеты, – продолжал Саймон. – Это будет бесполезная трата усилий, если вы не пойдете поразвлечься.

– Цирк!

– Зрелище на самом деле увлекательное, – сказал Лисберн. – Обещаю. Актеров, акробатов и клоунов. Но самое интересное – искусство наездников. Дюкруа – управляющий – сам прекрасный наездник.

Несмотря на внешнюю легкомысленность, Лисберн никогда не пускал дел на самотек. Он уже провел небольшое расследование в отношении мисс Нуаро. Ее действительно звали Леони, и она правда вела дела «Модного дома Нуаро». Одна ее сестра замужем за герцогом, вторая – за наследником маркиза. Однако мисс Леони ходит на работу в ателье каждый день, как будто переход в высший класс аристократии не имеет для нее никакого значения. Что было странно и говорило о многом.

Портнихи, как стало ему известно, работали шесть дней в неделю с девяти утра до девяти вечера. Она проводила на работе столько же времени, если не

больше. Как ему казалось, это многократно увеличивало вероятность того, что мисс Нуаро откажется провести время в цирке Астли или развлечься в каком-нибудь другом месте.

Леони покачала головой, а потом сделала восхитительный жест рукой, величественно отодвигая лорда со своего пути.

Он понимал, что стоит слишком близко, чуть ли не наступая на подол ее платья. А женщины чрезвычайно бережно относятся к своему личному пространству. Ему же хотелось узнать, какую границу установит она. Тем более что у Лисберна имелся большой и успешный опыт общения с женщинами.

Однако пришлось подчиниться и занять место сбоку.

– Вот как мы поступим, – заговорил он на ходу. – Мы найдем карету до Астли, побудем там час или немного больше, а потом вернемся сюда до окончания панихиды. К тому времени толпа разойдется. У всех девушек есть сопровождающие. Большую часть девиц – я обещаю! – развезут по домам раньше, чем им захочется, потому что, знаете ли, существует предел, до которого братья согласятся дойти в своих жертвах ради сестер. То же самое относится к папашам, мамашам и двоюродной бабушке Филомине.

Они пересекли фойе и подошли к дверям вестибюля. Лисберн открыл их перед мисс Нуаро.

Леони проплыла мимо, загадочно прошуршав платьем.

– Я понимаю, что там вы не найдете тех клиенток, на которых рассчитываете, – сказал он. – Но думаю, вам понравятся костюмы у женщин.

– Вполовину меньше, чем вам, осмелюсь заметить, – откликнулась Леони. – Они ведь будут едва одеты?

– Ну, конечно. И балерины, и нимфы, или кого там будет изображать мисс Вулфорд, – согласился маркиз. – Она – сплошное очарование. И все представление прекрасное. Участники, стоя на лошадиных спинах, наворачивают круги по арене. Лошади выделяют разные интересные штуки. И

акробаты тоже!

Она подняла глаза и внимательно посмотрела на него.

Лисберн легко выдержал ее взгляд. Мальчики, красивые от рождения, часто становятся мишенью для других мальчиков, а в школах, которые он посещал, было полно задир. Ему пришлось очень рано научиться скрывать и держать при себе эмоции, если только не возникала необходимость в них.

«Ты как бриллиант, – сказала ему одна из его любовниц. – Такой роскошный, блестящий, полный огня. Но когда кто-нибудь попытается рассмотреть человека внутри, увидит лишь отражение и сверкающую поверхность».

А зачем кому-то нужно видеть большее?

По правде говоря, в нем ничего не осталось от того убитого горем юноши, каким он был почти шесть лет назад, когда умер отец. Потеря опустошила сплоченных членов маленькой семьи, в которую входили не только Лисберн с матерью, но и ее сестра – мать Суонтона, а также сам Суонтон, и они уехали из Лондона. Долгое время провели вдали от столицы и от мира комфорта, пока полностью не пришли в себя.

Мало кто, включая людей, любивших и уважавших отца, осознавал масштаб его потери. Но Саймону не требовалось их понимания. Что он переживал, не касалось никого, кроме него самого.

Он очень хорошо понял, что такое горе на самом деле. В ответ на слащавые выражения чувств частенько хотелось двинуть по физиономии тому, кто приставал с разговорами.

Вот Суонтона или его поклонников он не смог бы ударить.

С точки зрения чувств ему показалась многообещающей рискованная игра – соблазнить обворожительную рыжеволосую француженку.

– Вам понравится, – убеждал он ее. – Обещаю. И привезу вас назад до окончания лекции.

Она отвела взгляд.

– Никогда не видела вольтижеров.

У него вдруг замерло сердце, что очень удивило Саймона.

* * *

Цирк Астли как всегда был забит под завязку. Но такое количество людей, судя по всему, не очень беспокоило мисс Нуаро. Не то что толпа на выступлении Суонтона. Может, из-за величины и открытости помещения. В любом случае Лисберн провел ее в отдельную ложу, где она была избавлена от толкотни и давки. Кроме того, отсюда открывался прекрасный вид на сцену и арену.

Они, к сожалению, опоздали на спектакль, в котором обычно участвовали прекрасные лошади и наездники, устраивавшие настоящие сражения. Но впереди еще было представление на арене. Когда они заняли свои места, команда работников цирка как раз рыхлила опилки.

Он так давно не был здесь. Лисберн даже подумал, что помещение покажется ему убогим и запущенным теперь, когда он стал взрослым и увидел разные представления в Европе.

Возможно, само место разбудило в нем ребенка, который каким-то образом пережил все жизненные потрясения и получил тяжелые уроки, но который так и не вырос и не превратился в идеального воспитанника. Должно быть, он продолжал видеть все, что было вокруг, глазами ребенка, потому что цирк Астли предстал пред ним в своем прежнем великолепии. Свет заливал арену, люстры ослепительно сверкали, оркестр играл чарующую музыку – все было таким, как раньше.

А возможно, Саймон смотрел на все свежим взглядом – огромными голубыми глазами мисс Нуаро.

Он заметил в ней легкое опасение, как только они вошли сюда, но потом беспокойство исчезло. Она устроилась на своем месте и принялась оглядываться по сторонам. Затем немного напряженно откинулась на спинку стула, когда

появился клоун и стал шутить с залом. Без всякого выражения на лице Леони наблюдала за выходом на арену инспектора манежа с длинным хлыстом. Не отрываясь, следила за тем, как он шагал по кругу, по обычаю подшучивая над клоуном.

После церемониймейстер объявил выход мисс Вулфорд. Толпа взорвалась.

Вцепившись в барьер, мисс Нуаро наклонилась вперед.

Знаменитая наездница появилась на арене, отчего зрители впали в экстаз. Мисс Нуаро впитывала все это с широко открытыми глазами, жадно, как ребенок, начиная с того момента, когда инспектор манежа посадил мисс Вулфорд в седло, а потом отсчитывая каждый сделанный ею круг. Когда наездница встала ногами на седло, Леони ахнула.

– Изумительно! – воскликнула она. – Я даже понятия не имею, как ездить верхом, а она встает на спину этого животного во время движения!

Когда после нескольких кругов наездница сделала остановку, чтобы дать отдохнуть себе и лошади, мисс Нуаро громко зааплодировала и закричала: «Браво! Брависсимо!»

В возникшей паузе церемониймейстер и клоун продолжали свою игру, но Леони с полным равнодушием восприняла их фривольные шутки. Она отвернулась от арены и перехватила взгляд лорда Лисберна, направленный на нее.

Лишь миг они смотрели друг другу в глаза. Затем она громко рассмеялась во весь голос.

И у него перехватило дыхание.

Звучание ее голоса! Ах, как она выглядела в этот момент, как сияли ее глаза, как пламенело лицо!

– О, вы были правы! – воскликнула мисс Нуаро. – Это намного интереснее, чем унылая поэзия. Как девушка талантлива! Вы представляете, сколько времени ей потребовалось, чтобы освоить это искусство? Сколько лет, как вы думаете, ей

было, когда она начала тренироваться? Ее, наверное, воспитывали для такой работы с пеленок, как это часто бывает с цирковыми? Кстати, портных тоже готовят с детства.

Такая серьезность в ее голосе... Она была столь юной и столь заразительно оживленной!

– Полагаю, даже если их и готовят с детства, они еще столько раз падают на голову, прежде чем освоят мастерство, – заметил Лисберн. – Но им нужно начинать как можно раньше, пока кости гибкие и не ломаются.

– С портными все иначе, – сказала Леони. – Рано или поздно будущие наездники садятся на лошадей. А нас не подпустят раскроить кусок шелка, пока мы целую вечность не просидим над простейшими швами, пока не сошьем тысячу носовых платков и передников. Какое наслаждение наблюдать за женщиной, которая обладает таким искусством! Наездники в большинстве ведь мужчины, не так ли?

– Благодаря этому популярность мисс Вулфорд только возрастает.

– Но она хороша! Или это потому, что я совсем не обратила внимания на наездников-мужчин?

– Нет, она действительно талантлива, – сказал Лисберн. – Балерина-наездница.

– Чудо! – продолжала восхищаться мисс Нуаро. – Мои сестры постоянно говорят, что мне нужно почаще выбираться из мастерской, но воскресенья бывают только раз в неделю, и мне нравится проводить их либо с племянницей, либо на природе, предпочтительно то и другое одновременно. Иногда мы ходим в театр, но это совершенно другое. Тут даже пахнет иначе, конечно.

– Это запах лошадей, – объяснил он.

– Прекрасные создания!

Лисберн заметил нотку грусти. Обдумал это, а заодно и ее реакцию на мисс Вулфорд, и отложил свои размышления на более удобное время.

Тут началась вторая часть конного представления, и Леони вновь повернулась к арене.

Саймон смотрел в ту же сторону, внешне собранный, но полный внутреннего беспокойства. На его глазах она вдруг из искушенной парижанки превратилась во взволнованную девчонку и в какой-то момент вдруг предстала перед ним настолько беззащитной, что он почувствовал... Что? Стыд? Но за что? Он ведь мужчина. Она – женщина. Их тянуло друг к другу, и они играли в игру, которая стара как мир. Однако вместе с предвкушением от начавшейся партии Саймон ощущал, как что-то гложет его. Какая-то тяжесть на сердце.

Но почему нет? Разве он не выдержал целый час поэтической панихиды? И разве не обязан вновь вернуться туда же?

* * *

Леони показалось, что время в цирке пролетело моментально, и вот она опять сидит в карете с лордом Лисберном. Они ехали по улице Вестминстер-Бридж-стрит назад, на «панихиду», как он выразился вроде бы секунду назад.

Лисберн держал свое слово.

Впрочем, Леони в этом и не сомневалась, иначе никуда не поехала бы с ним.

Да, а еще он наблюдал за ней во время представления, когда думал, что она не обращает на него внимания. Как будто возможно сидеть рядом с мужчиной и не ощущать его присутствия, даже когда на сцену выпорхнула толпа ангелочков, а погонщик вывел на арену слона. А когда Леони обернулась и застала его за наблюдением, он сделался похож на набедокурившего мальчишку, пойманного на месте преступления. Ей захотелось узнать поближе этого мальчишку. Тут ее логика на секунду дала сбой, и внутри что-то щелкнуло.

Но это длилось всего несколько мгновений.

Теперь рядом с ней снова сидел самый красивый мужчина в мире, а она опять стала Леони Нуаро – разумной, трезвой коммерсанткой, способной сложить два и два.

– Вы терпеть не можете его поэзию, однако вернулись в Лондон вместе с лордом Суонтоном, чтобы издать его книгу, – сказала она. – Поразительная лояльность!

Лисберн засмеялся.

– Мужчина должен быть рядом с другом во время испытаний.

– Чтобы защитить его от экзальтированных барышень?

– Нет, этого изначально не было в плане. Мы приготовились к унижительному возвращению. Критики были к нему жестоки. Вы не знали?

– Я не слежу за литературой, – призналась Леони. – Читаю только обзоры спектаклей и концертов и тому подобное, но меня главным образом интересуют описания того, во что были одеты дамы. Времени на литературную критику мне не хватает.

– До выхода сборника «Алцинта и другие поэмы» он опубликовал несколько стихотворений в журналах, – пояснил Саймон. – Критики смешали его с грязью единогласно и безоговорочно. Они разрывали его на части. Стали писать пародии. Это было форменное избиение. До того, как Суонтон увидел эти статейки, он еще не знал, поедет ли в Лондон вообще. Но после такого выбор стал очевиден: вернуться и стоически преодолеть испытания или прослыть трусом.

– Даже не представляла, – удивилась она. – Я была уверена, что его светлость вернулся в Лондон, когда его книга уже вышла, и потому что все только о ней и говорили. Наши дамы так совершенно точно. Я не слышала таких взволнованных обсуждений со времен последнего большого скандала. – Того самого, в который Софи бросилась очертя голову.

– Нам ничего не было известно о том, что здесь происходит, – продолжал Лисберн. – Мы прибыли в Лондон за день до появления книги в магазинах. У нас собралась небольшая компания, и Суонтон не стал нападать на критиков. Для начала, он не был высокого мнения о своем таланте и поэтому не чувствовал себя уязвленным, как любой бы другой на его месте. Мы потом еще пошутили на эту тему в клубе «Уайтс». А уже через несколько дней после нашего приезда нам

пришлось допечатывать тираж, и очень быстро. Толпы молодых женщин брали приступом книжные лавки. Продавцы заявили, что не сталкивались с чем-то подобным с того времени, как Хэрриетт Уилсон опубликовала свои мемуары.

Хэрриетт Уилсон была знаменитой куртизанкой. Десять лет назад мужчины платили ей за то, чтобы она не упоминала их имен в своих записках.

– Лорд Суонтон явно затронул сердца молодых женщин, – заметила Леони.

– И пришел от этого в замешательство, как и критики. – Саймон выглянул в окно.

В это время года темнело поздно, да и полной темноты не наступало, были глубокие сумерки. Сегодня вдобавок светила яркая луна, и Леони увидела, что они только что миновали Вестминстерский мост. Она также заметила, как напряжены его челюсти.

– Неожиданный взлет к славе может быть опасным, – сказал Лисберн. – В особенности когда в этом участвуют молодые женщины. Я предпочел бы снова увезти его в Европу, прежде чем... – Он замолчал и пожал плечами. – Большое количество людей сегодня явно встревожило вас. Единственную в зале.

– Когда я вижу столько людей, собравшихся в одном месте, – медленно заговорила Леони, – для меня они все становятся толпой.

Возникла короткая пауза.

– Понимаю, мисс Нуаро. Поэтому я должен стоять в стороне и быть начеку. Но... – Теперь пауза была долгой.

– Но... – повторила она.

– Но у меня появился шанс выкрасть из толпы очаровательную девушку, и я им воспользовался.

* * *

Леони и лорд Лисберн вернулись как раз к окончанию поэтического вечера, когда, судя по программе, должен был выступить сам лорд Суонтон со своими новыми поэтическими опытами.

Как Лисберн и предсказывал, толпа поредела. Хотя зал по-прежнему был полон, но мужчины, подпиравшие стены, уже расселись на свободные места в задних рядах. И больше не казалось, что балкон вот-вот рухнет.

Пока они, замешкавшись в дверях, высматривали, куда бы сесть, мимо них начала протискиваться группа людей – по виду, семья. Лисберн отодвинул Леони в сторону, то ли из желания пропустить людей, то ли потому, что не торопился присоединяться к аудитории, и освободил путь выходящим из зала. Когда глава семейства поблагодарил его, лорд Лисберн в ответ улыбнулся сочувственно и пробормотал что-то, что заставило джентльмена тоже улыбнуться.

Это был шарм в действии, обаяние самого коварного вида: полное юмора, умаляющее собственное достоинство, обезоруживающе искреннее и доверительное.

Леони отлично понимала, как действует этот шарм. Ее семья сама специализировалась на этом.

И ей совсем ни к чему испытывать воздействие подобного обаяния на себе. Проблема заключалась в том, что оно и в самом деле было полно коварства. Кто-то реагировал на него, не понимая, чем это грозит, и мог искренне поверить в то, что обрел душевную близость с человеком, который лишь мастерски имитировал чувства.

Леони напомнила себе об этом, пока лорд Лисберн вел ее в том направлении, откуда вышла семья, к их освободившимся местам на дальнем конце последнего ряда.

И хотя она предпочла бы сесть поближе к дверям, чтобы долго не стоять на выходе, эти места были лучше тех, которые ей удалось высмотреть раньше. Количество зрителей уменьшилось, и дышать стало легче. Когда двери открывались, выпуская людей, в зал проникали потоки прохладного вечернего воздуха.

Имея рядом большого сильного мужчину – пусть даже такого, который представлял опасность для внутреннего спокойствия женщины, – можно было ни о чем не беспокоиться.

Говоря по правде, ей не очень хотелось слушать поэтические вирши, а так как сосредоточиваться на близком присутствии красавца-мужчины было неразумно, она принялась рассматривать зал. И насчитала двадцать два туалета, пошитых в «Модном доме Нуаро». Хороший показатель. Может, все-таки был смысл в написании статей в «Утреннее обозрение Фокса».

Среди дам в туалетах от их «Модного дома» была леди Клара и... О да! Леди Глэдис тоже надела свое новое темно-красное платье! Ура, победа!

Леони заулыбалась.

Ее спутник наклонился к ней.

– Что случилось? – спросил он.

Она ощутила, как его дыхание коснулось ее уха и шеи. Оттуда оно как будто проникло под кожу и добралось до нижней части живота.

– Это эмоциональный всплеск в ответ на поэзию, – пробормотала Леони.

– Вы же не слышали ни единого слова Суонтона, – заметил он. – Вы рассматривали зрителей. Кому улыбались? У меня есть соперник?

Кто, например? Аполлон? Адонис?

– Целая дюжина, – не удержалась Леони.

– Не могу сказать, что удивлен. – Он оглядел толпу. Она смотрела, как внимательно лорд Лисберн изучает зал, вот он остановился и вернулся взглядом к группке, сидевшей в том же последнем ряду, что и они, но с правой стороны, ближе к дверям.

– Ага, Клара! – удовлетворенно сказал маркиз. – И Глэдис с ней. Я их даже не заметил из-за того джентльмена, который торопился увести свое семейство отсюда. В любом случае рядом с ними все занято, так что мы не обязаны пересаживаться туда. Спасибо вам, благодетельные боги и духи этого места! Но, однако... – Он склонил голову набок и нахмурился. – Я, конечно, не очень хорошо знаю Глэдис.

Лисберн повернулся к мисс Нуаро, его зеленые глаза блестели.

– Она одета не как прежде, в свои тошнотворные цвета. Ваша работа?

Леони гордо кивнула.

Он опять посмотрел в ту сторону.

– А ведь это Валентайн, которого явно привлекли, чтобы сопровождать ее. Бедный парень!

Лорд Валентайн Фэрфакс был одним из братьев леди Клары. И в отличие от темноволосого лорда Лонгмора являл собою образ типичного Фэрфакса: белокурого, голубоглазого и неумеренно красивого.

– Ведь он просидел здесь все это время, несчастный, – посочувствовал Лисберн. – Сидел и несколько часов лелеял мысль о самоубийстве, вне всякого сомнения. Или скорее – Вал все-таки очень практичный юноша! – решал, как ему прикончить Суонтона, но так, чтобы его не поймали за руку.

– Если мужчинам настолько не нравится поэзия, зачем они пришли сюда? – поинтересовалась Леони.

– Чтобы заставить девушек поверить, будто они чувствительные.

Леони задохнулась от смеха. Сидевшая спереди девица обернулась и негодуя посмотрела на нее.

Достав носовой платок, Леони сделала вид, что утирает слезы. Барышня отвернулась.

Аудитория уже не пребывала в полном молчании, как это было, когда мисс Нуаро заглянула в зал в первый раз. И хотя те, кто устроился в передних рядах, продолжали восхищаться – или спать, если это были мужчины, – то сидевшие поодаль начали шушукаться. С балкона стали доноситься разговоры, временами перекрывавшие чтение со сцены.

Усиливавшийся шум, казалось, совершенно не беспокоил лорда Суонтона. Кто-то научил его читать на публике так, чтобы всем было слышно, и он в полной мере воспользовался приобретенными навыками. Каждое заунывное слово доносилось до дальних уголков зала...

– Нет, хватит! Не затыкай мне рот! – Мужской голос заглушил жужжащую аудиторию.

Леони посмотрела в ту сторону. Недалеко от Фэрфаксов упитанный джентльмен средних лет тянул свою семью к выходу.

– Это пустая трата времени, – продолжал он. – Ради всего святого! Если бы я только знал, то заплатил бы двойную цену, чтобы остаться дома. И еще дешево отделался бы.

Жена все так же пыталась утихомирить разбушевавшегося супруга, и по-прежнему тщетно.

– Читай мне Тома Мура хоть каждый день, – рычал он. – Или Робби Бёрнса. И это ты называешь поэзией? Полнейшая чушь.[10 - Мур Томас (1779–1852) – поэт-романтик, песенник и автор баллад. Один из главных представителей ирландского романтизма.][11 - Бёрнс Роберт (1759–1796) – знаменитый шотландский поэт, автор многочисленных стихотворений и поэм, фольклорист.]

Лорд Лисберн едва сдерживал смех.

Другие мужчины по соседству не стали себя ограничивать.

– Это, похоже, шутка, – вдруг возвысил голос какой-то критик. – Лучше бы мне пойти в «Воксхолл», чем тратить пятничный вечер на это бормотание ни о чем. У них забор, вот в чем проблема. Им просто нужна хорошая клизма.[12 -

«Воксхолл» (Vauxhall) – парк развлечений в Лондоне, одно из главных мест общественного отдыха с сер. XVII в. до сер. XIX в.]

Теперь публика ахнула, главным образом дамы, сидевшие рядом.

– Что-то я не слышала, чтобы кто-нибудь интересовался вашим мнением, сэр. – Общий шум перекрыл голос леди Глэдис. – Не смеем вас задерживать, отправляйтесь в «Воксхолл». И уж совершенно точно никто из нас не покупал билеты, чтобы выслушивать вас. Я не видела в программе никакого упоминания о том, что на вечере с критикой выступят необразованные и невоспитанные мужланы.

– Рад оказать вам услугу бесплатно, мадам, – последовал молниеносный ответ. – А что касается необразованных... По крайней мере, некоторым из нас тут хватило ума понять, что король-то голый.

Лорд Валентайн встал.

– Сэр, я был бы признателен вам, если бы вы не обращались к даме в таком тоне.

– Она первая начала.

– О черт! – Лорд Лисберн тоже вскочил. – Глэдис только дай волю. Из-за нее Валентайну сейчас придется вызывать парня на дуэль.

Мужчины начали вставать со своих мест. Лорд Суонтон забеспокоился, поняв, что не все в порядке. Он попытался продолжить чтение своей поэмы, но аудитория перестала обращать на него внимание, переключившись на ссору. Его голос начал тонуть в возрастающем шуме.

Леони поняла, что на балконе началось движение. Она посмотрела туда. Мужчины повскакали со своих мест и двинулись к дверям. Дуэль ужасна сама по себе, но происходящее уже напоминало мятеж.

У нее перед глазами тут же возникли картины того, как яростная толпа движется по парижским улицам, поджигая дома, где жили пострадавшие от холеры... Ее маленькая племянница так больна... Топот сотен башмаков

приближается, становится все громче и громче...

Ее охватила паника.

Она крепко зажмурилась, потом открыла глаза. Тряхнув головой, отбросила воспоминания. Пересчитала, сколько рядов в зале, прикинула количество присутствующих, и ей стало спокойнее.

Все-таки это Лондон, совершенно другое место. Другое время и другие обстоятельства. Эти люди умирают от скуки, а не от бушующей эпидемии.

– Дамы и господа, я хотел бы привлечь ваше внимание, – воззвал к публике лорд Суонтон.

– Ты привлекал его три часа. Даже больше, – выкрикнул кто-то. – Мало тебе?

Его поддержали другие зрители.

К этому времени лорд Лисберн уже добрался до своих кузин и взбешенного джентльмена, который разозлился еще больше, если судить по его кирпично-красному цвету лица.

А аудитория становилась все неистовее.

Леони напомнила себе, что многие из ее французских предков сложили свои головы, когда другого выхода не осталось. Никто из них не позволил отправить себя на виселицу. Или заключить в тюрьму.

Марселина или Софи встретили бы этот жребий с повязкой на глазах, сказала она себе.

Проглотив комок в горле, Леони встала.

– Благодарю вас, милорд, за приглашение, – заговорила она, надрывая голос. – Мне хотелось бы прочесть стихотворение миссис Эбди.

– Опять стихи! – простонал кто-то. – Кто-нибудь, повесьте меня!

– Придержи язык, свиная башка! Это же девушка!

Сквозь комментарии толпы слышался голос лорда Суонтона.

– Дамы и господа! Мисс Нуаро... Вернее, мадам из «Модного дома Нуаро» любезно согласилась принять участие в нашем поэтическом вечере.

Леони была одета согласно случаю. Она знала, что привлечет внимание мужчин, потому что молода и вовсе не дурна, и женщин, потому что на ней роскошное платье.

Все говорило в ее пользу, но сердце в груди колотилось неистово, а руки дрожали, их невозможно было остановить. Она приказала себе не глупить, ведь уже привыкла выступать на публике каждый день, в особенности перед своенравными женщинами, и умеет добиваться контроля над их вниманием.

И начала:

Моя жизнь одинока...

– Так в чем дело? – крикнул кто-то. – Иди, сядь рядом со мной, куколка!

– Замолчи! – откликнулся другой. – Пусть леди читает.

Леони начала снова:

Моя жизнь одинока,

Клубы Лондона я ненавижу.

Мне смешны ссоры супругов,

Я вздыхаю, поставив мат.

Красота мне не поможет,

Хотя я готов чтить ее.

Увы! Моя скорбь и стыд в том,

Что я – второй сын.

Взрыв хохота. Такого одобрения она и ожидала. Беспокойство и неуверенность ушли, Делюси взяли в ней верх.

Леони продолжила, на этот раз сопровождая чтение драматическими жестами:

Мой профиль, – весь мир признает!

– Лучше, чем у Байрона.

(Она повернула голову туда, сюда.)

Каштановые кудри Ниспадают на лоб.

(Поиграла локонами за ушами.)

Я шести футов роста,

(Вытянулась на цыпочках вверх.)

А моей грации

Завидует сам Дюкруа.

(Изобразила элегантные позы наездника.)

Но к чему фигура и красота

Бедному второму сыну?

Помимо мужского смеха слышалось хихиканье женщин.

Она завоевала их!

В очередной раз.

На миг, пока разгневанный джентльмен приходил во все большую ярость, а лицо у него из кирпично-красного становилось фиолетовым, Лисберну показалось, что

единственным выходом из ситуации будут пистолеты на заре. Оставалось надеяться только на развернувшееся буйство вокруг. Как только мужчины в зале сойдутся врукопашную, а женщины начнут визжать, Валентайн и этот тип перестанут изображать из себя идиотов.

Когда же он услышал, как Леони обратилась к Суонтону, ему захотелось схватить ее и вытрясти из нее душу. Она что, сошла с ума? Решила чтением стихов отвлечь всех этих мужчин и привести их в чувство? Или подразнить? А он далеко и не сможет быстро добраться до нее.

Сейчас развернется ад!

Но он ошибся.

В ней было нечто – особое качество, такое очевидное и не поддающееся описанию. Сила личности, которая привлекла его внимание в Британском Институте, судя по всему, сработала и здесь на целую аудиторию.

Добавим к этому очаровательную манеру держаться, и все – мужчины не могли не среагировать на нее. Она была потрясающе красива, рыжеволосая плюс ко всему, а ее шелковое зеленое – настоящее безумие! – платье было роскошным, пробуждавшим чувственные желания.

А что женщины?

Она покорила их тоже. Все дело было в зеленом платье.

К тому же миссис Эбди помимо множества разной чепухи написала несколько поэм, в которых проявился типичный английский юмор и до которых Суонтону еще было расти и расти.

Любимый лондонский поэт улыбнулся. Он мягко подсказал мисс Нуаро, когда та запнулась на какой-то строфе. Это была длинная поэма. Конечно, не такая длинная, как некоторые из опусов Суонтона, но ведь она читала ее наизусть!

А говорила, что профан в литературе. Плутовка!

Даже разгневанный джентльмен улыбнулся.

– Вот это мне больше по душе.

– Ерунда! – тут же возразила Глэдис. – Это забавный образчик нескладных виршей.

– О вкусах не спорят, – заметил Лисберн. – Новое платье, кузина? Очень элегантное.

К его удивлению, та покраснела и стала почти миленькой.

– Не могла же я надеть прошлогоднее на такое событие.

– Вот, оказывается, в чем дело, – повернулся он к недовольному джентльмену. – Она сегодня надела новое платье, а вы упомянули про «новое платье короля». Собственно, произошла небольшая путаница, и все.

Глэдис возмутилась.

– Лисберн, как ты можешь быть таким непрошибаемым? Хотя что я спрашиваю! Ты ведь отлично знаешь...

– Я понимаю, вы хотели уйти до скандала, – сказал он мужчине. – Всего доброго.

Жена джентльмена взяла его под руку и что-то прошептала. После секундного колебания тот смерил взглядом Валентайна, а потом позволил супруге увести себя.

С кафедры донесся голос Суонтона.

– Благодарю вас, мисс Нуаро, за чудесное дополнение к нашему вечеру. Может, кому-то еще хочется поучаствовать?

Встал Кроуфорд – давний приятель Лонгмора.

– У меня есть лимерик.

– Если он заставит порозоветь щечки наших дам, я с радостью запрещу вам читать, – улыбнулся Суонтон.

– Ах, как он мил! – В кои-то веки Глэдис смягчилась. – Лорд Суонтон – настоящий джентльмен.

– Который любит непристойные лимерики так же, как и следующий парень, – объявил Лисберн. – Если Кроуфорд удержит себя в рамках, он будет последним, кто сделает это. Фэрфакс, я считаю, ты должен увести дам домой, пока все ведут себя прилично.

– Ты всегда командуешь, – возмутилась Глэдис. Кто бы говорил! – Вечер не закончился, и я думаю, что мы еще останемся.

– А я уверена, что нет, – возразила Клара. – У меня разболелась голова, не говоря уж о пятой точке.

– Ну вот, после стольких часов нытья и трагедий появился, наконец, просвет в виде юмора, а ты хочешь уйти. – Валентайн был недоволен.

– Именно. Пока ты не вызвал на дуэль еще кого-нибудь из-за поэзии, – отрезала его сестра.

«То есть пока Глэдис не устроила еще какую-нибудь ссору, – подумал Лисберн. – Только дай ей волю, и вечер поэзии превратится в массовую драку».

Начинавшийся скандал остановила рыжеволосая портниха тем, что просто встала и прочла несколько поэтических строчек.

Он оставил своих родственников без особых церемоний. Большинство семей и женщин уже направились к выходу. Саймон пошел к тому месту, где в последний раз видел мисс Нуаро в облаке зеленого шелка, декламирующую забавную поэму с мастерством, достойным комической актрисы.

Когда Лисберн добрался туда, ее уже не было.

* * *

Сквозь толпу покидавших зал зрителей он вышел на улицу. Нигде не заметил и намека на зеленое шелковое платье или на кремовую шаль. Возле подъезда скопились наемные и частные кареты. Бранились кучера, ржали лошади, бренчала упряжь. Народ обсуждал поэзию, чуть было не случившуюся драку и модистку в стильном зеленом платье.

А она ускользнула. Сейчас мисс Нуаро уже в районе Сент-Джеймс-стрит, прикинул Лисберн.

Он думал – отправиться ли в ту же сторону, или оставить ее в покое. Было уже поздно, а завтра ей на работу. Ему не хотелось отпускать ее слишком быстро, но пусть это будет не сегодня. Он добился определенного прогресса, правда, не вполне достаточного. Преследовать ее сегодня будет полным безрассудством. Он разрушит достигнутое.

Поэтому Лисберн вернулся в здание и в одном из кабинетов нашел Суонтона.

Поэт раздраженно укладывал в портфель исписанные листы. Саймон отлично знал эту его манеру.

– Я вижу, ты удачно отделался ото всех, – заметил Лисберн. – Девушки не хватают тебя за лацканы и не виснут на фалдах.

Суонтон пачками засовывал стихи в портфель.

– Вот дьявол! Что это за парень, который раскричался? С ним невозможно не согласиться. Это настоящая макулатура!

– Не гениально, конечно, но...

– Надо с этим завязывать, но оно сильнее меня, – продолжал Суонтон. – И самое интересное, что за этот вечер мы собрали столько денег, сколько спонсоры приюта для глухонемых собирают за полгода. Это леди Горрелл сказала. – Он помолчал, потом поднял взгляд от помятых листов со стихами, которые так

много барышень считали бесценными. – Я видел, как ты вошел. С мисс Нуаро.

– Она пыталась пробраться в зал до того, но не было свободных мест. Поэтому я отвез ее в цирк.

– В цирк... – повторил Суонтон.

– В Астли, – уточнил Лисберн. – Ей понравилось. Поэтому-то она не испытывала негативных эмоций, когда мы вернулись сюда, и сохранила присутствие духа, чтобы защитить твою прибыль.

Раздраженное выражение лица Суонтона смягчилось. Он заулыбался. Потом весело рассмеялся.

– Я, конечно, хорошо помню мисс Леони. Еще по Парижу. Кто может забыть такие глаза? И таинственную улыбку. Я только забыл, насколько она находчива. Это не просто любезность – то, что она сделала, изменив настроение зала.

– Ты не знаешь и половины всего, – сказал Лисберн. – Она спасла не только твой поэтический вечер. Моя кузина Глэдис практически спровоцировала Валентайна на дуэль.

– Это она отчитала того шумного господина? – спросил Суонтон. – Я ее не видел. Люди начали вставать, а леди Глэдис находилась за колонной. Я не слышал, что именно она сказала. Но ее голос – просто чудо какое-то! Такой мелодичный.

Лисберн никогда не задумывался о том, какой у Глэдис голос. То, что она сказала, было настолько провокационно, что в голову не приходило обратить внимание на то, каким голосом это было произнесено.

– Глэдис лучше всего слушать на расстоянии, – заметил он. На безопасном расстоянии от Лондона до Ланкашира.

Наконец, Суонтон закрыл свой портфель, потом нахмурился.

– Надо поблагодарить мисс Нуаро. Нет, этого недостаточно. Я подумаю, какую услугу ей можно оказать. Если бы не она, тут случился бы настоящий дебош. Это

будет мне уроком. Не стоит затягивать такие мероприятия. В будущем, один час, и не более того.

– Но девушки желают внимать поэзии целый день и целую ночь, – напомнил Лисберн. – Половину из них силком увели из зала. Если ты посвятишь им лишь час, они будут чувствовать себя обманутыми.

Поэт продолжал хмуриться.

– Надо придумать, что делать с девушками, – сказал Суонтон. – Они занимаются благотворительностью и тому подобными делами.

– Кто?

– Сестры Нуаро, – объяснил он. – Кто-то говорил мне об этом. Может, сама мисс Нуаро? Или это была Кливдон?

– Я знаю, что они подобрали мальчишку на улице, – сказал Лисберн.

Суонтон закивал головой.

– Они занимаются такими вещами. Нужно как следует над этим подумать. Может быть, стоит организовать сбор средств в их пользу. – Он поморщился. – Но не так уныло и... траурно.

– Я об этом подумаю, – сказал Саймон. – У тебя полно забот. Ведь нужно отгонять от себя всех этих невинных созданий, чьим преклонением ты не позволяешь себе воспользоваться. А у меня нет никаких дел.

Глава 4

Симметричное совершенство.

Миссис Н. Гири, придворный изготовитель корсетов, Сент-Джеймс-стрит, 61, имеет честь сообщить благородным дамам о своем возвращении из Европы и о том, что теперь у нее (в дополнение к знаменитым корсетам с косточками «Corset de toilette») появились самые модные и элегантные корсеты, которые когда-либо производились... В них нет чрезмерного давления на талию, чем отличались все корсеты за последние 300 лет... Две гинеи, деньги наличными.

«Придворный журнал». 16 мая 1835 г.

Понедельник, 13 июля

– Дело первостепенной важности – придерживаться определенного режима. – Леони слышала, как Матрон пустилась в объяснения. – Четыре часа на обучение, четыре – на работу, два – на упражнения и хор, полчаса – на еду. Ваша светлость еще убедится, что Общество по обучению неимущих женщин на модисток – современное предприятие. Мы набираем ограниченное число девушек, нуждающихся в нас. Но пока это только начало. Благотворительное общество, вам это, вероятно, известно, в свое время начиналось с небольшого домика на Кембридж-Хит, а сейчас оно опекает двести детей в Саутворке. Мы тоже рассчитываем на быстрый рост с помощью благотворительности и средств, полученных от продажи вещей, сшитых девушками. Образцы я вам с удовольствием покажу.

Леони стояла в коридоре, и никто из рабочей комнаты не мог увидеть ее. Тем не менее по одной лишь спине она без труда узнала джентльмена, перед которым ораторствовала Матрон.

Ну да, вне всякого сомнения, лорд Лисберн многое бы отдал за то, чтобы полюбоваться результатами работы швеек.

Она задумалась на миг. Не о том, чем бы заняться, это Леони всегда знала. Ей просто стало интересно, что привело его сюда. Понятно, в Лондоне ему скучно. Он говорил, что хочет вернуться в Европу. Между тем казалось, что его интересуют только собственные развлечения, и она – одно из них.

Что ж, пусть! Грех этим не воспользоваться. Дело есть дело. Он был богат и сейчас находился здесь.

Леони вошла в открытую дверь.

– Благодарю вас, Матрон, за подробную лекцию, – сказала она. – Я знаю, понедельник для вас напряженный день. Я продолжу знакомить лорда Лисберна с нашим заведением, а вы возвращайтесь к своим обязанностям.

Девушка подчинилась с плохо скрываемым нежеланием. И кто бы ее осудил? Мужчина был так красив! Так обаятелен!

К сожалению, мужская красота и шарм плохо повлияли на разум Матрон. В другом случае разве она привела бы его в рабочую комнату. Многие девушки в этой светлой, полной воздуха комнате едва вышли из подросткового возраста. Поставить перед ними сногшибательного мужчину-аристократа означало привлечь беду.

Большинство пребывало в оцепенении. Трое, которые укололись иглками, теперь сидели и с отсутствующим видом потирали пальчики. Верити Симс перевернула рабочую корзинку. А Бриджет Коппи пришила к рукаву своего платья фартук, над которым трудилась.

Теперь на несколько дней от них не будет никакого толка, от большинства из них.

Леони не сомневалась, что романтический туман проник и в ее голову. Прошлой ночью Лисберн приснился ей. А сегодня он появился здесь. Она мысленно представляла его таким, каким увидела в цирке Астли, мальчишкой с открытым сердцем, каким он мог быть когда-то.

Как бы там ни было, Леони быстро вывела его светлость в коридор из рабочей комнаты.

– У нас немного тесно, как вы заметили, – сказала она.

– Однако вы весьма эффективно используете площади, которые у вас есть, – заметил Лисберн. – Учитывая вашу любовь к порядку, я ничему не удивляюсь. Хотя одно дело заполнять гроссбухи аккуратными столбцами цифр, и совсем другое – превратить тесное старое здание в нечто удобное и даже уютное.

Несмотря на то что Леони была настороже, ей трудно было не оценить его лесть. Они с сестрами много трудились, чтобы добиться того, что у них сейчас имелось. А имелось у них не очень многое. Финансовый успех только-только начал приходить, и Леони прекрасно понимала, что на это пока нельзя полностью рассчитывать. В мире моды крах может случиться за одну ночь из-за природной катастрофы или по женской прихоти. Дела Общества модисток они вели с величайшей осторожностью, не увеличивали расходов на него больше, чем могли покрыть из наличных денег.

Сестры учредили его ради кузины Эммы, которая дала крышу над головой и образование трем беспризорным девочкам. Она научила их шить прекрасные вещи и уберегла от бесцельной и бродяжьей судьбы их родителей.

Эмма умерла слишком рано, вкусив лишь самые первые плоды собственного успеха.

Леони холодно его поблагодарила.

– Вообще-то уют для нас не самое главное. Мы бы предпочли расшириться. Например, на соседнее здание.

– Осмелюсь заметить, пространство для расширения всегда найдется.

Теперь они вышли из зоны досягаемости для посторонних ушей.

– Ладно, я в полном недоумении, – сказала она. – Вы просто забрели к нам и решили посмотреть, как тут все устроено, или у вас есть какой-то конкретный план?

– Конкретный, – признался Лисберн. – Суонтон поручил мне ознакомиться с вашей благотворительной деятельностью. Он хочет собрать для вас денег, пока его все обожают. Вы же знаете, как публика непостоянна, в особенности ее женская часть.

– Он поручил вам... – повторила она.

– Если быть точным, я сам вызвался, – сказал маркиз. – С большим желанием. Сейчас у меня всего два дела. Первое – наблюдать за ним и слушать его, когда он сочиняет. Второе – все время находиться рядом, якобы для того, чтобы защищать Суонтона от девиц, одержимых поэзией. Хотя пользы в этом смысле от меня мало. Я лишь обогащаю себя поучительным опытом становиться невидимым для женской половины человечества.

– Не падайте духом, – успокоила его Леони. – Вы не стали невидимкой ни для Матрон, ни для девушек в мастерской.

– Пусть так, но я получил большое удовольствие от знакомства с вашей работой.

У нее в голове сразу же закрутились мысли: «Что? Что он обнаружил? Что увидел? Зачем?»

Внешне, на ее лице не дрогнул ни один мускул.

– Как-то это утомительно звучит.

– Я удостоверился, что у вас проблем больше, чем можно предположить, – сообщил он. – Вы с вашими сестрами странно немногословны насчет своей благотворительной деятельности.

Мысли сразу перестали бешено крутиться: «Ах, это... Тогда все в порядке».

– Тут нечем хвастаться.

– Как нечем? – Обернувшись, Лисберн посмотрел на дверь комнаты, откуда они вышли. – Я всегда жил в защищенном мире. Не думайте, что я когда-нибудь видел в одном помещении столько девушек, которые вели... – Он замолчал, потом, прикрыв глаза, задумался. – Давайте скажем так – бесприютную жизнь. – Лисберн неожиданно открыл глаза и пристально взгляделся в мисс Нуаро, отчего ей стало беспокойно. – Вы добились интересных результатов. Это что-то вроде испытания.

– Это всего лишь работа, – сказала она. – Некоторые девушки начинают проявлять больше способностей, чем другие. Для «Модного дома Науоро» мы

отбираем самые сливки. Обучаем их и натаскиваем и, разумеется, знаем, что получаем в ответ. Они нам интересны, не то что вашим герцогиням и виконтессам. Но это не филантропия в чистом виде.

– Факт остается фактом – вы подбираете их на улицах, в сиротских приютах и работных домах.

Леони улыбнулась.

– Нам это обходится недорого. Иногда вообще даром.

Она провела его в маленькую комнатку, где в витринах были выставлены образцы работ, выполненных девушками.

– Если ваша светлость соблаговолит купить какую-нибудь безделушку, сделанную их руками, они будут в восторге.

Подойдя к одной из витрин, Леони открыла стеклянную дверцу.

Лисберн постоял секунду, разглядывая подушечки для булавок, носовые платки, шарфы, кошельки и все в таком роде.

– Мисс Нуаро, – позвал он.

Она подняла на него глаза. С пораженным видом маркиз продолжал разглядывать содержимое витрины.

– Все это сделали девушки? Девушки из той мастерской?

– Да. Помните, Матрон сказала, что мы пополняем наш фонд, продавая их работы?

– Помню, – сказал он. – Но я не... – Неожиданно он отвернулся и отошел к небольшому окну. Сложив руки за спиной, стал смотреть на улицу.

Леони была сбита с толку. Она взглянула на витрину, потом на его спину в отлично подогнанном сюртуке.

Ей показалось, что прошло много времени, когда Лисберн отвернулся от окна. И с легкой улыбкой вернулся к витрине.

– Я тронут, – сказал он. – Чуть ли не до слез. И очень рад, что пришел сюда вместо Суонтона. Он бы обрыдался здесь, а потом написал бы элегию из пятидесяти строф о потерянной невинности, или о надругательстве над невинностью, или еще какую-нибудь ерунду. К счастью, здесь только я, и теперь публике не угрожает страдание от стихов, вдохновленных этим местом.

На миг она растерялась. Но быстро справилась с собой, логический склад ума пришел на помощь. Он мог испытывать настоящее сочувствие к девушкам, а мог разыграть страдания большого и щедрого сердца, как это часто делают аристократы. Филантропия для них была сродни обязанности, и они выставляли ее напоказ, в действительности не переживая ни о чем. Если бы, по крайней мере, половина из них проявила настоящую заботу о таких девушках, Лондон стал бы другим городом.

Но совершенно не важно, что он чувствует на самом деле, пришлось напомнить себе Леони. Девушки – вот что важно. А деньги – это деньги, предлагают ли их от чистого сердца, или чтобы покрасоваться.

– Мне кажется, поэзия вашего друга заразила вас непомерной чувствительностью.

– Может, и так, мадам, но я хотел бы посмотреть на человека, который смог бы устоять перед этим. – Он показал в сторону витрины. – Взгляните на эти маленькие сердечки, на цветочки и причудливые завитушки, на лилии, на кружево. Все это сделали те, кто не понаслышке знаком с потерями, нищетой и насилием.

Леони посмотрела на перчатки и носовые платки.

– Девушки никогда не видели картин Боттичелли, – напомнила она. – Если им хочется присутствия красоты в их жизни, они создают все это.

– Мадам, – сказал Лисберн. – Вам обязательно разбивать мне сердце окончательно?

Леони посмотрела в его зелено-золотистые глаза и подумала о том, как легко утонуть в них. Эти глаза, как и его низкий голос, казалось, обещали целый мир. Они словно приглашали открыть завораживающие глубины характера и секреты, которыми больше никто не владел в целой вселенной.

– Итак, означает ли это, что вы что-нибудь купите?

Особняк Лисберн-Хаус, в тот же день, позже

Суонтон разглядывал предметы, которые его друг разложил на одном из письменных столов, очистив его от стопок писем и писчей бумаги, покрытой небрежным поэтическим почерком.

После паузы, показавшейся бесконечной, Суонтон, наконец, поднял на него взгляд.

– Там осталось хоть что-нибудь?

– Было очень сложно выбрать, – объяснил Лисберн.

– А еще утверждаешь, что это я всегда позволяю продать себе больше необходимого.

– Мисс Нуаро этим не занималась, – возразил Лисберн. – Как настоящая деловая женщина, она просто воспользовалась моментом моей слабости.

Он так и не мог понять, откуда в нем взялась эта слабость. Ему уже доводилось посещать благотворительные учреждения. Вместе с отцом он бывал на завтраках для филантропов, в приютах, сиротских домах и в школах для неимущих. Он видел их обитателей, одетых в характерную униформу с эмблемами, стоявших навытяжку, или маршировавших перед проверявшими, или певших молитвы богу, монарху, а может, и великодушным богачам.

Саймон был привычен к таким вещам. Но все равно ему хотелось сесть, уткнуться лицом в ладони и оплакать всех этих девушек с их изящными маленькими сердечками и носовыми платками, с вышитыми анютиными глазками, фиалками и незабудками.

Проклятый Суонтон все-таки затянул его в этот омут чувствительности!

– Я думаю, ты просто не догадывался, насколько она умна.

– Не догадывался, – согласился Лисберн. – Она чертовски хороша как деловая женщина.

Разбив его сердце на куски, мисс Нуаро очистила витрину от образцов, как и его кошелек, а потом весьма изящно избавилась от посетителя.

– Рад, что тебя там не было, – сказал он Суонтону. – Тебя бы это убило. Я сам чуть не умер, когда она сказала: «Девушки никогда не видели картин Боттичелли. Если им хочется присутствия красоты в жизни, они создают вот это».

Суонтон быстро заморгал, но эта уловка ему редко помогала. Эмоции брали верх в девяти случаях из десяти. Данный случай десятым не был. Он сглотнул, глаза наполнились слезами.

– Не вздумай разрыдаться, – приказал Лисберн. – Ты превращаешься в переполненный бассейн, прямо как те безумные барышни, которые ходят за тобой по пятам. Возьми себя в руки. Это ты предложил пополнить благотворительный фонд «Модного дома Нуаро». Я все разузнал для тебя. И принес обильные свидетельства их деятельности. Будешь сочинять скорбный сонет на данный случай, или мы с тобой обсудим практические шаги?

– Тебе легко говорить – «возьми себя в руки». – Суонтон вытащил носовой платок и высморкался. – Это ты у нас не думаешь, куда поставить ногу, чтобы не наступить на какое-нибудь юное создание. А мне приходится быть очень осторожным, чтобы не ранить их нежных чувств и в то же время не сказать чего-нибудь, что может быть воспринято как намек на разврат и соблазнение.

– Да-да, это, конечно, дьявольски тяжело, – усмехнулся Лисберн. – Если завтра захочешь вернуться во Флоренцию или в Венецию, я с радостью составлю тебе компанию.

И он поехал бы. Что ему делать здесь, кроме как пытаться оградить Суонтона от проблем с сумасшедшими девицами? Взрослый человек, способный, казалось бы, отвечать за самого себя, временами был жутко рассеян. Это делало его легкой добычей для малоприятных женщин, вроде Альды – младшей дочери леди Бартэм.

А что касается мисс Леони Нуаро...

Если Лисберн завтра уедет в Италию, заметит ли она его отсутствие, или просто найдет другого джентльмена, чтобы, завязав интрижку, опустошать карманы растяпы?

Суонтон взял в руки одну из подушечек для булавок, от вида которой на сердце у Лисберна становилось тяжело.

– Это работа Бриджет Коппи, – сказал Лисберн. – Мисс Нуаро объяснила, что такая форма подушечки – традиционная. И обычно они красного цвета. Но девушка тренировала свое воображение и поэтому сделала ее белой с коралловой отделкой, чтобы уравновесить разные цвета. Шнурок нужен для того, чтобы вешать подушечку на талию.

– Цветочки просто очаровательны, – восхитился Суонтон. – Какое изящество!

– Бриджет станет искусной вышивальщицей, – заметил Лисберн.

– Моей матери понравится такая работа, – сказал Суонтон.

– Давай сами займемся их распространением. Кое-что из этого можно подарить моей матери. И ее новому мужу. Им обоим понравится.

Его мать с таким же умом выбрала себе второго мужа, как и первого. Лорд Рафффорд – добрый, щедрый человек – сделал ее счастливой. И стал другом своему пасынку, что было настоящим подвигом.

– Ты, оказывается, дьявольски торопишься вернуться в Италию, – удивился Суонтон.

Лисберн засмеялся.

– Может, и так. Я ведь такой космополит, а рыжеволосая французская модистка взяла надо мной верх. Что если мне от стыда хочется тихонько скрыться.

– Позволю себе усомниться, – заметил Суонтон. – Ты совершенно далек от этой мысли, потому что сейчас пытаешься понять, каким образом француженка сумела обойти тебя, чтобы одержать над ней победу в следующей схватке.

Лисберн внимательно смотрел на друга.

– Она – единственная женщина, на которую ты обратил особое внимание после возвращения в Лондон. А я очень хорошо знаю тебя.

– Если тут есть хоть что-нибудь, что нужно знать, – отмахнулся Лисберн. Однако его друг был поэтом. А поэтам всегда кажется, что людские души полны тайн. Но если бы у Лисберна таковые и имелись, вряд ли он стал бы выставлять их напоказ, и еще меньше ему хотелось бы, чтобы в них кто-либо копался. – А как насчет тебя? Ты чувствуешь, что должен здесь остаться?

– Да, – признался Суонтон.

– Правда? Я бы предпочел разгуливать в окружении стаи волков, нежели в компании прекрасно воспитанных барышень.

– Я им скоро надоем, – сказал Суонтон. – Однако буду трусом, если сбегу отсюда, когда могу сделать много хорошего. Это недостойно памяти твоего отца.

– Да-да, рази меня напоминанием об отце, давай!

– Я понимаю, что поступаю нечестно, но это единственный способ одолеть тебя в споре, – признался Суонтон.

– Ладно, – сказал Лисберн. – Мы останемся здесь до того момента, когда они накинута на тебя. А там будем молиться, чтобы вовремя унести ноги.

Он посмотрел на кипе писем, которые только что переложил со стола на один из диванов в комнате.

– Между прочим, твоему секретарю не нужен секретарь? Грда писем выросла со вчерашнего дня. – Вспомнив, что друг сказал несколько минут назад, Саймон добавил: – Письма с просьбами есть? Одна из опасностей для людей богатых и с положением. Все начинают тянуть к ним руки, и тогда приходится решать, кто достоин подаяния, а кто – нет.

– Хорошо бы, если бы только это, – заметил Суонтон. – Лишь за сегодня я получил два письма, в которых требуют денег на двух моих незаконнорожденных детей, и еще одно, в котором меня шантажируют тем, что разорвут обещанное сватовство.

Для тех, кто знал Суонтона, такие требования были абсурдом. Однако нельзя относиться к ним легкомысленно.

В некоторых людях популярность рождает зависть, жадность и вообще пробуждает низменные инстинкты. Слишком многие начнут думать о нем плохо.

– Покажи-ка мне письма, – сказал Лисберн.

* * *

Вечер вторника, 14 июля

Если бы Лисберн не погрузился с головой в малоинтересную корреспонденцию своего кузена, до него все дошло бы намного раньше. А может, и нет.

Несмотря на свои довольно частые появления в клубе «Уайтс», он по несколько дней не заглядывал в книгу, в которой регистрировались пари. И о чем, собственно, беспокоиться? Большинство спорщиков были людьми глупыми, а их пари рождались от скуки. Например, как долго муха будет ползать по оконному стеклу, пока не подохнет, или не улетит.

Лисберну, по крайней мере в последнее время, скучать не приходилось. Конечно, наблюдать за тем, как женщины обхаживают Суонтона, было утомительно, и даже скрытая опасность этой ситуации не добавляла интереса. Но потом на сцене появилась мисс Нуаро, и Лондон стал более привлекательным местом.

Так как Леони и скука были несовместны, Саймон совсем не удивился, когда узнал, что она оказалась в центре последних сплетен.

Вместе со Суонтоном они появились на приеме у графини Джерси, где дамы, как обычно, создали ажиотаж вокруг поэта. Пока юные леди пытались обратить на себя внимание Суонтона, Лисберн переместился в карточный салон. На входе его задержала леди Альда Моррис для того, чтобы, прикрывшись веером, шепнуть ему кое-что на ухо.

* * *

«Модный дом Нуаро», пятница, 15 июля

Леди Глэдис стояла перед трюмо с легким румянцем на щеках.

Четыре женщины – Леони, Марселина, леди Клара и Джеффрис – ждали ее реакции.

Сегодня впервые леди Глэдис надела корсет, который Леони сшила специально для нее.

В отличие от корсета, который ей спешно подогнали по фигуре взамен того чудовищного, который она привезла из дома, этот воплотил в себе все, что мисс Нуаро знала о математике, физиологии и физике. До этого момента ей не было позволено оценить свои собственные успехи, потому что леди Глэдис отказалась выйти к ним в одном корсете. Она заявила, что не собирается скакать в одном белье перед зрителями, которые будут смотреть на нее.

Но это было еще до того, как она увидела свое золотистое вечернее платье.

Когда его показали ей в первый раз, леди Глэдис состроила гримасу и объявила, что в этом платье вид у нее будет, словно она страдает печеночной болезнью. По ее меркам, это еще был слабый протест. Но минутой спустя леди Глэдис сказала, что так и быть, примерит его. Потом потребовала, чтобы Джеффрис – модистка, якобы отвратительно говорящая по-французски, – проводила ее за ширму, переодеться.

Остальным пришлось смириться с капризом. Но эта барышня явно посвятила свою юную жизнь тому, чтобы вызывать у окружающих жгучее желание придушить ее.

– Хорошо, – сказала она, наконец.

Всего одно слово, но Леони уловила в нем легкий намек на удовольствие. У леди Глэдис был замечательный голос, такой же выразительный, как у оперной певицы.

– Представить не могла, что надену подобный цвет, – призналась она.

– Все стало очевидным, – сказала леди Клара. – Думаю, мы можем выпить немного за то, что ты сегодня решилась примерить нечто новое.

– Это не так. Я не хотела поднимать шум из-за примерки корсета. Мне просто не хотелось разгуливать в одном белье, когда на меня смотрят.

Она разгладила платье спереди, хотя Джеффрис, естественно, каждый стежок пристроила на свое место.

– Корсет очень удобный, – заметила леди Глэдис. – Не знаю, как вам это удалось... – Она покрутилась из стороны в сторону, разглядывая себя в трюмо. – Но вы это сделали.

Леони сделала много чего. Она придумала такой корсет, который смог бы поддержать роскошные округлости ее светлости. Форма корсета делала талию узкой, хотя давление на тело было минимальным.

Конечно, фигура у ее светлости оставалась полноватой и немного бесформенной по сравнению с модными идеалами. Но модные идеалы – всего лишь модные идеалы. Самое главное – сделать так, чтобы леди выглядела красавицей, насколько это возможно при ее внешности. А золотистый атлас стал такой же неожиданностью для Леони, как и для леди Глэдис.

Обычно Марселина представляла себе платье целиком в своем воображении. На этот раз она полностью доверилась детальному описанию новой клиентки, сделанном сестрой.

И все равно, несмотря на слабость и постоянную тошноту, ей удалось создать не платье, а настоящее чудо. Золотистый атлас отделали черным и кремовым кружевом. Просто, но драматично. Заостренный вниз рисунок талии подчеркивал ее узость, а черные язычки, нашитые спереди, лишь усиливали эффект.

Такие талии явно вышли из моды, но Марселина никогда не обращала внимания на то, что считала незначительными колебаниями во вкусах.

Это платье вновь сделает модным такой рисунок, подумала Леони. Черная кружевная мантилья, прикрепленная к верхней части рукавов не только добавит драматизма, но и заставит перевести взгляды на высокую грудь леди Глэдис. Возможно, это не лучшее решение для юной, незамужней девушки, но леди Глэдис выглядела бы весьма странно в платье, которое подходило бы для обыкновенной девушки.

Она поднесла руку к вырезу.

– Очень низко.

– Ну, разумеется, моя дорогая, – согласилась Марселина. – У вас очень красивый бюст. Мы хотим привлечь к нему внимание.

– Я чувствую себя голой, – сказала леди Глэдис.

– И что с того? – удивилась леди Клара. – Будешь чувствовать себя голой, а выглядеть – абсолютно прилично.

– Нет тут ничего абсолютно приличного, – возразила ей кузина.

– Это нормально – выглядеть соблазнительной, – настаивала леди Клара.

– Прекрати! – отрезала леди Глэдис. Всех поразила ее горячность. – Перестань быть добренькой. Я не могу сказать тебе, насколько провоцирующе это выглядит. Нет, подожди, могу. Тебе достаточно поманить пальцем, чтобы мужчина стал твоим. Ты не представляешь, что значит не быть красивой и милой!

– Я вовсе не мила, – заявила леди Клара. – Люди так думают из-за моей внешности.

– Вот именно! И при этом ты можешь говорить, что угодно.

– Нет, не могу, – огрызнулась леди Клара. – Я не могу быть сама собой. Мама все время опекает меня. Ты не представляешь, как мне душно от этого.

– Ну, конечно! Все эти мужчины, которые вьются вокруг тебя, ловят твою улыбку.

– Они видят только оболочку. Не знают, какая я на самом деле, и не хотят узнать. Ты знаешь меня или, по крайней мере, должна знать. И понимаешь, что я на твоей стороне и всегда была, несмотря на все преграды, которые ты выстраиваешь.

Леди Глэдис стала пунцовой, на глаза навернулись слезы.

– Я не умею себя вести! – выкрикнула девушка. – Я вообще не знаю, что можно делать, а что нельзя! Ты жалуешься, что мать постоянно рядом с тобой. Но у тебя есть хоть кто-то. Рядом с тобой есть женщина, которая может научить, как быть женственной. А теперь посмотри на меня! Мой отец – солдафон, и меня воспитали словно в военном лагере. Он командует мной, как полком. Отдает приказ и уходит, чтобы сражаться с врагами Англии. – Она кинулась назад за ширму. – Джеффрис, сними с меня это!

Бросив на Леони полный паники взгляд, модистка заторопилась вслед за леди Глэдис.

Дойдя до кресла, леди Клара рухнула в него.

Марселина посмотрела на сестру.

Леони пожала плечами и произнесла одними губами: «Ничего не понимаю».

– Ради бога, что происходит? – Марселина обратилась к леди Кларе.

– Не знаю, – сказала она.

– Я вам скажу, что происходит, – заговорила из-за ширмы леди Глэдис. – Сегодня вечером я не пойду на прием в клуб «Олмак», как бы они меня ни упрашивали. Я уже говорила, что ни за что не стану этого делать, однако Клара не перестает надоедать мне. А теперь отдайте ей эту проклятую амуницию.

– Ты прекрасно выглядишь в этом платье, просто слишком упряма, чтобы согласиться! – воскликнула ее кузина.

– Мне наплевать, пусть я даже и выгляжу прекрасно. Они работали впустую, потому что у меня не будет случая надеть его. Я не хочу! Не стоило вообще приезжать в Лондон!

Вздыхнув, леди Клара приложила руку ко лбу и уставилась в пол.

Из-за ширмы слышались сдавленные рыдания.

В примерочной воцарилась тишина.

И в этот момент вошла Мэри Парментер, взволнованная и полная беспокойства. Она сообщила, что приехали лорд Лисберн с лордом Суонтоном. По их словам, у них было дело к мисс Нуаро. Нужно ли попросить их подождать в демонстрационном зале или проводить в кабинет?

– Мы сейчас заняты, – объявила Леони. – Скажи им, чтобы договорились о другом времени.

Она услышала, как за ширмой ахнули.

– Вы не можете заставлять лорда Лисберна ждать, – дрожащим голосом произнесла леди Глэдис. – Вы уже не заняты со мной. Идите и узнайте, что нужно джентльменам.

– Скажи им, чтобы пришли в другой раз, – приказала Леони помощнице.

Затем выслала всех из комнаты и сама зашла за ширму.

* * *

Она нашла леди Глэдис сидящей на краешке примерочного подиума и закрывшей лицо руками.

– Один из секретов нашего успеха заключается в том, чтобы понять образ мыслей леди, – сказала Леони. – Так или иначе, мы вытащим это из вас. Можете просто рассказать мне обо всем, чтобы нам сэкономить силы и использовать их более полезным образом.

Мисс Нуаро присела на подиум рядом с ней.

Леди Глэдис подняла голову.

– Вы только притворяетесь моей подругой. Вам нужно, чтобы я заказала больше платьев у вас.

– Я пока никем не собираюсь притворяться, – возразила Леони. – Но мне действительно хочется, чтобы вы заказали как можно больше платьев. Разве в торговле бывает по-другому?

– Вы еще не поняли, что я могу вывести вас из дела? Весь Лондон говорит, что вы прибрали меня к рукам. Они уже держат пари на то, каков будет результат.

По правде говоря, из всех причин, которые могли бы заставить леди Глэдис вести себя так неразумно, эта не пришла в голову Леони в первую очередь.

Вероятно, из-за того, что она отвлеклась на более важную проблему – маркиза Лисберна.

Однако подобному пари Леони вовсе не удивилась. Представители высшего общества – и мужчины, и женщины – участвовали в азартных инициативах, главным образом из скуки. Участвовали они или нет в пари, женщин все равно жутко интересовало, чем закончатся визиты леди Глэдис в «Модный дом Нуаро».

Леони это понимала. На самом деле это была одна из причин, которая толкнула ее к знакомству с леди Глэдис. Когда «Модный дом Нуаро» добьется того, что ее светлость появится в обществе полностью преобразенной, весь столичный мир моды выстроится в очередь у его дверей.

Но ее светлость должна сотрудничать.

– Аристократы заключают пари на что угодно, – живо ответила Леони. – Естественно, у вас это вызывает досаду...

– В особенности когда мерзкая дочь леди Бартэм, не жалея сил, объясняет условия, – сказала леди Глэдис. – Не удивлюсь, если до вас уже дошло выражение «кошелка в шелках».

Леди Бартэм была ближайшей подругой леди Уорфорд – матери Клары и ее достойной конкуренткой в вопросе сплетен. Леони никогда не понимала, почему некоторые женщины делают своими подругами настоящих гадюк. Она не сомневалась, что одна из дочерей леди Бартэм – Альда – такая же ядовитая особа.

– Некоторые люди либо настолько невоспитанны и эгоистичны, либо ужасно несчастны, что делать больно другим доставляет им удовольствие, – заметила Леони. – Это ненормально, но таково общество. Самый лучший способ отплатить – рассмеяться или найти в этом какое-то удовольствие. Такое поведение поставит их в тупик и заставит мучиться. Достойная месть, на мой взгляд.

Леди Глэдис хмуро посмотрела на нее.

– И что в этом смешного? Скажите, почему мне нужно находить в этом удовольствие?

– А разве таким способом – обижая и делая вам больно – она не пытается лишить вас уверенности в себе? Может, она боится того, что вы станете ее конкуренткой.

В ответ Леони получила взгляд, в котором явно читался совет обратиться к врачу.

– Только представьте себе, – продолжала она. – Если вы похлопаете ее по руке и скажете: «О, моя дорогая, мне так жаль, что я огорчила тебя, но обещаю не уводить твоих ухажеров». Потом вы можете засмеяться. У вас такой очаровательный смех. А она отойдет от вас, расстроенная намного больше, чем вы.

– Очаровательный смех? – переспросила леди Глэдис. Отвернувшись и стала разглядывать картинки с модами на противоположной стене.

– И вообще у вас чудесный голос. – Леони встала. – Пожалуйста, не пытайтесь быть похожей на вашу кухню. Из-за этого вы не замечаете собственных достоинств. Вы никогда не будете выглядеть так, как она. А у леди Клары никогда не будет вашего голоса.

– Это нас не уравнивает.

– Самая большая армия, пусть даже оснащенная лучшим образом, не всегда выигрывает сражение, – сказала мисс Нуаро. – Неужели ваш отец никогда не рассказывал, что для этого требуются еще ум и удача?

* * *

Чуть позже

В это время дня, когда светские модницы переодеваются для прогулки в Гайд-парке, лорд Лисберн рассчитывал, что в магазине будет относительно спокойно. Иначе он не взял бы с собой Суонтон. В магазине действительно было тихо. В

демонстрационном зале несколько работниц восстанавливали порядок после ухода недавних клиенток. Они раскладывали ленты и безделушки по ящикам, заново расставляли товары в витринах, расправляли поля у шляпок, поправляли юбки на манекенах. Единственной клиенткой оставалась пожилая дама, которая все никак не могла решить, ленту какого оттенка коричневого цвета ей стоит купить.

Суонтон нервно расхаживал в дальнем конце зала, когда Мэри Парментер вернулась и предложила назначить встречу на другой раз.

– Они, должно быть, заняты с важной клиенткой, – сказал ему Лисберн. – Почему бы тебе не отправиться в «Уайтс»? В клуб женщин не пускают, и ты сможешь восстановить душевное равновесие с помощью бокала вина или виски.

Остановившись, Суонтон смотрел на друга, словно забыв о том, где находится.

– В «Уайтс»? – переспросил он.

– Да. Юные леди не доберутся там до тебя.

– А ты?

– А я подожду, – сказал Лисберн. – Я вполне могу заняться нашим делом и без тебя. У меня это даже лучше получится, если ты не будешь расхаживать рядом.

– Мне нужно написать полудюжину поэм меньше чем за неделю! – воскликнул Суонтон. – Ты, наверное, тоже немного не в себе.

– Это еще одна причина, почему тебе нужно удалиться в какое-нибудь тихое местечко, где женщины не хихикают, не заливаются краской и не придумывают повод, чтобы оказаться рядом с тобой.

Совершенно естественно, Суонтон не понимал, что происходит вокруг. Работницам нужно было бы ударить его по голове подставкой для шляп, чтобы обратить на себя внимание. Но в отличие от светских барышень их главным образом возбуждало присутствие рядом знаменитости. Они наверняка не читали его стихов, если вообще умели читать. Другими словами, их интерес был

личным.

Суонтон огляделся, оценив обстановку вокруг себя.

– Ладно, – сказал он. – Намек понял.

«Нет, не понял», – подумал Лисберн.

При удачном стечении обстоятельств Суонтон сумел бы перейти Сент-Джеймс-стрит и не попасть под проезжающий экипаж. Но если бы ему грозила опасность, на помощь поэту кинулась бы какая-нибудь симпатичная девица и спасла бы его, пусть даже она была бы одним из двух человек в Лондоне, которые не знали, кто он такой. Ведь вид у Суонтона ангельский.

В любом случае Лисберн – не его нянька. Более того, в течение двух последних дней ему пришлось помучиться, решая проблемы друга.

Поэтому страшно хотелось отдохнуть.

Мисс Леони Нуаро могла бы помочь ему в этом.

Но она слишком занята, чтобы увидаться с ним.

Саймон прошелся по залу, оглядел манекены, изучил ассортимент в витринах. Даже согласился поучаствовать в обсуждении коричневых лент.

Торжественно нацелив на них свой монокль, он попытался прийти к выводу, какие из них имеют более выраженный желтоватый оттенок. И тут появилась Глэдис, которая пролетела через весь зал и выскочила на улицу. По пятам за ней следовала Клара. Они не заметили лорда Лисберна, а ему не хотелось привлекать их внимание.

– Позвольте узнать, мисс Нуаро примет меня? – обратился он к девушке, которая предложила договориться о другой встрече.

Мэри Парментер исчезла.

Минут через пятнадцать она вернулась и повела маркиза в кабинет мисс Нуаро.

Глава 5

Когда-то решение споров достигалось посредством обсуждения поводов и доводов. Теперь разницу точек зрения преодолевают с помощью шпаги или пари: поэтому единственным благородным способом выражения несогласия является возможность рискнуть тысячей фунтов или дать проткнуть себя насквозь.

«Знаток», 1754 г.

Когда лорд Лисберн вошел, мисс Нуаро со сдержанной яростью выравнивала шеренгу грессбухов в шкафу.

Учитывая, что она больше часа провела с Глэдис, было понятно, почему ее трясет. Вот уж ничего удивительного!

Его, однако, смутил вид разгневанной Леони Нуаро в колышавшемся облаке белого муслина: со свистом шуршали рукава, надетая поверх платья мантия – или как оно называется? – взлетала вверх и падала вместе с руками, возбужденно дрожали кружева. Грудь вздымалась и опадала, а вышивка и кружева на лифе казались белыми гребешками волн в бушующем море.

Она явно была не в духе. Уже знакомое состояние. И все-таки нужно улучшить момент, чтобы восстановить дыхание и вернуть ей способность мыслить.

– Я отправил Суонтона в «Уайтс», а сам решил дождаться вас, – начал он. В голосе неожиданно послышалась легкая хрипотца.

Леони взяла в руки часы, висевшие на поясе, и открыла крышку.

– Один час и двадцать минут.

– Но я ждал вас, – подчеркнул Лисберн. – Сколько – не важно. Это позволило мне проявить милосердие.

– Милосердие, – повторила она. – Вы что, помогли моим работницам окончательно потерять голову? Или милосердно подносили нюхательную соль клиенткам, упавшим в обморок?

Он принял оскорбленный вид.

– Я помог какой-то древней старушке выбрать ленты.

– Вам следует быть крайне осторожным, разыгрывая «милосердие» перед пожилыми особами, – заметила Леони. – Их слабая конституция может не выдержать напора прекрасной мужественности и шарма. Вы даже не представляете, насколько сокрушительным для торговли окажется неожиданный апоплексический удар, который хватит какую-нибудь леди в демонстрационном зале. – Она отпустила часы, которые опять повисли на поясе, и, скрестив руки на груди, изобразила на лице равнодушную любезность.

Как будто он был обычным клиентом.

Пришлось подавить вспыхнувшую обиду. Нельзя вести себя, как чересчур чувствительный подросток, сказал он себе.

– Благодарю за напоминание, мадам. – Лисберн очень постарался, чтобы голос звучал мягко. – В будущем я сделаю все, чтобы моя красота и шарм воздействовали только на здоровых и сильных представительниц прекрасного пола.

– Я знаю, вы ничего не можете с собой поделать, – продолжала Леони. – Вы таким родились. Но некоторые из моих лучших клиенток – дамы весьма преклонного возраста. И мне совершенно не хочется провожать их в последний путь до истечения положенного им срока.

– Обещаю, что даже невзначай не стану причинять вред пожилым дамам.

– Строго говоря, причинение вреда невзначай быть не может, – сказала мисс Нуаро. – Пусть оно таким и кажется со стороны, – добавила она, словно про себя. Ее взгляд остановился на письменном столе... Там у нее лежал перочинный нож и, возможно, какие-то другие орудия для нанесения увечий, как ножницы, например. У портних всегда есть при себе острые предметы – ножницы, иглы, булавки. Лисберном овладело какое-то странное ощущение, что он нечаянно может угодить в опасную ситуацию. И не удивительно – воздух в комнате словно вибрировал от сильного душевного волнения, которое мисс Нуаро изо всех сил пыталась сдержать.

Его так и подмывало подтолкнуть ее, чтобы увидеть – воочию! – что произойдет, когда самообладание ей откажет.

– Меня ждут покупательницы, милорд, – начала она. – Пармендер, по-моему, сказала, что вы с лордом Суонтоном пришли по делу.

Саймон отметил нотку нетерпения. И что дальше? Запустит в него чем-нибудь?

– Вроде бы да, – согласился он. И приложив два пальца к правому виску, сделал вид, что вспоминает.

Напряжение вокруг него возросло еще больше.

– Вероятно, будет лучше, если вы присоединитесь к лорду Суонтону в клубе «Уайтс». Сядете с ним в тихом уголке, щека к щеке, и тогда вспомните, с какой стати так отчаянно торопились сюда.

Леони направилась к двери.

– О да, вспомнил, – воскликнул он. – Это о девушках, которых вы взяли под свое крылышко. Мы со Суонтоном хотим помочь.

Она остановилась.

– Моим девушкам?

Ее девушкам?

– Обществу модисток, – уточнил Лисберн. – Поэтический гений и ваш покорный слуга пришли изложить вам блестящую идею о том, как обогатить ваши фонды.

Леони хотела, чтобы он убрался к дьяволу. Но с такой же силой ей хотелось обогатить свои фонды. Внутренняя борьба между прямо противоположными желаниями была настолько тщательно замаскирована, что он наверняка пропустил бы этот момент, если бы не наблюдал за ней, не сводя глаз.

Она не могла взять себя в руки полностью, но справилась с нетерпением.

– Мне не хотелось беспокоить вас сегодня, тем более что вы чрезвычайно заняты, – сказал Лисберн. – Но проблема в том, что нужно действовать быстро, а я был совсем не уверен, что мы сможем договориться о новой встрече в самое ближайшее время.

Леони сложила руки на талии.

– Весьма мило с вашей стороны и лорда Суонтона вспомнить об Обществе модисток, – сказала она.

– Интересно, как бы мы могли не вспоминать об этом, когда я перевез домой все, что продавалось в вашем магазине, – искренне удивился Лисберн. – В библиотеке невозможно шагу ступить, чтобы не наткнуться на дамские сумочки, кошельки, подушечки для булавок и на бог знает что еще. Теперь у меня есть план, как уберечь Суонтона от горьких рыданий. Я, кстати, был очень рад тому, что не взял его с собой в прошлый раз. После этого ему потребовалось бы несколько недель, чтобы прийти в себя. А я сомневаюсь, что у нас есть эти несколько недель – молодые женщины известны своим непостоянством.

– Вы сказали что-то насчет плана. – Она все-таки не совладала с нетерпением.

– Ах, да, план... – Лисберн принялся излагать его. Очень подробно. С постоянными отступлениями, описывая разные непредвиденные ситуации.

Если он надеялся на взрыв чувств, то, значит, недооценил ее.

Подойдя к письменному столу, Леони взяла перо в руки и сделала несколько коротких заметок.

Пока она писала, Лисберн вроде как бесцельно прошелся по кабинету, разговаривая ни о чем, а потом остановился у нее за спиной и стал наблюдать.

Удивительно, но его многословие Леони сжала до нескольких фраз: благотворительный вечер в парке развлечений «Воксхолл» в понедельник. Суонтон выступит с чтением новых поэм в одном из театров. Дополнительный взнос в пять шиллингов с тех, кто решит сам почитать стихи. Небольшое отчисление владельцам парка за использование зала. Все остальные сборы идут Обществу модисток.

Лисберн легко разобрал написанное. А еще до него донеслись звуки. В ней все трепетало и кипело, и поэтому, когда она, почти не двигаясь, только писала, от нее исходил легкий шелест, как от морских волн, очевидно различимый на фоне скрипящего пера. И аромат. Легкий, чистый аромат лаванды.

Конец ознакомительного фрагмента.

notes

Примечания

1

Британский Институт (British Institution) – частное общество, занимавшееся организацией выставок в Лондоне в XIX в. Основано в 1805 г., распущено в 1867 г. – Здесь и далее примеч. пер.

2

Боттичелли Сандро (1445–1510) – великий итальянский живописец эпохи Возрождения.

3

Лондонский пожар, или Великий лондонский пожар, охватил центральные районы английской столицы и продолжался четыре дня (2–5 сентября 1666 г.).

4

Пожалуйста (фр.).

5

Байрон Джордж Гордон (1788–1824) – великий английский поэт, яркий представитель романтизма.

6

Войдите (фр.).

7

Довольно! (фр.)

8

Эбди Мэри (1797–1867) – знаменитая английская поэтесса.

9

Цирк Астли – конный цирк, основанный в Лондоне известным наездником Филиппом Астли в 1768 г. Соединял арену с театральной сценой, на которой ставились мелодрамы. Действие со сцены часто переходило на арену.

10

Мур Томас (1779–1852) – поэт-романтик, песенник и автор баллад. Один из главных представителей ирландского романтизма.

11

Бёрнс Роберт (1759–1796) – знаменитый шотландский поэт, автор многочисленных стихотворений и поэм, фольклорист.

«Воксхолл» (Vauxhall) – парк развлечений в Лондоне, одно из главных мест общественного отдыха с сер. XVII в. до сер. XIX в.

Купить: https://tellnovel.com/cheyz_loretta/obol-stitel-nica-v-barhate

надано

Прочитайте цю книгу цілком, купивши повну легальну версію: [Купити](#)